

IOANNIS CALVINI
COMMENTARIUS IN
IOHANNIS APOSTOLI EPISTOLAM

BRUNSVIGAE,
APUD C. A. SCHWETSCHKE ET FILIUM
(APPELHANS & PFENNINGSTORFF)
1892

ЖАН КАЛЬВИН
ТОЛКОВАНИЕ НА ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ
АПОСТОЛА ИОАННА

Перевод с латинского И.В. Мамсурова
Редактор: В.М. Лоцманов

2010 г.

Предисловие

Это Послание вполне достойно духа ученика, которого Христос возлюбил более других, дабы тот подружил нас со Спасителем. Послание содержит учение, перемежаемое увещеваниями. Иоанн рассуждает о вечном божестве Христа и, одновременно, о несравненной благодати, которую Он, явившись миру, принес с Собою; а также в целом обо всех Его благодеяниях. Особенно он превозносит бесценную милость божественного усыновления. Отсюда апостол заимствует повод для увещеваний. Он то в целом убеждает жить свято и благочестиво, то дает конкретные заповеди в отношении любви. Однако ничего из этого апостол не рассматривает систематично. Уча и одновременно увещевая, он выказывает большое разнообразие стиля. Но особо настойчиво Иоанн призывает к братской любви. Также Он кратко касается и других вопросов, таких как: необходимость остерегаться мошенников, и тому подобное. Однако каждая отдельная тема будет рассмотрена в тексте самого комментария.

Глава 1

1. О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни, – 2. ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам.

(1. О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни, – 2. и жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам.)

Вначале Иоанн говорит о предложенной нам во Христе жизни, которая, являясь несравненным благом, должна воспламенить и захватить все наши чувства, исполняя их чудесным стремлением и любовью к ней самой. Фраза о том, что жизнь явилась, звучит коротко и просто. Но, если подумать о том, сколь несчастно и ужасно состояние смерти, и, с другой стороны, сколь драгоценно царство Божие и Его бессмертная слава, мы увидим в ней нечто более возвышенное, невыразимое словами. Значит, намерение апостола заключалось в том, чтобы, предложив нам великое благо, больше того – наивысшее и единственное блаженство, дарованное нам Богом в Собственном Сыне, – устремить наши души к небесам. Но, поскольку величие дела требовало удостоверить все сказанное как твердую и несомненную истину, он особо настаивает на этом вступлении. Ибо все то, что *мы видели, что слышали, что рассматривали*, и т.д., способно подтвердить евангельскую веру. Иоанн не напрасно так усердствует в убеждении читателей. Поскольку в Евангелии заключается наше спасение, уверенность в нем совершенно необходима. И каждый из нас по собственному опыту знает, сколь трудно для нас во что-либо уверовать.

Под словом «уверовать» я разумею не простое мнение, не только согласие со сказанным или его одобрение, но твердое лишенное сомнений убеждение, решимость подписаться под сказанным как под очевидной истиной. По этой причине апостол и собирает здесь столь многие свидетельства ради подтверждения Евангелия.

1) *Что было от начала.* Поскольку речь апостола прерывиста и неясна, то для прояснения смысла слова надо расставить таким образом: мы возвещаем вам Слово жизни, бывшее от начала и засвидетельствованное для нас воистину всеми способами, возвещаем, дабы в Нем для вас явилась жизнь. Или же, если предпочесть иное толкование: все, что мы возвещаем вам о Слове жизни, было от начала и ясно открылось нам, поскольку в Нем была явлена жизнь. Впрочем, фраза «что было от начала» без сомнения относится к божеству Христову. Ибо Бог не был от начала явлен во плоти, но Тот, Кто всегда был жизнью и вечным Словом Божиим, явился человеком в полноте времен. И наоборот, следующие слова о рассмотрении и осязании руками больше относятся к человеческой природе. Однако, поскольку две природы составляют одно Лицо, и существует только один Христос, исшедший от Отца, дабы облечься в нашу плоть, апостол справедливо обобщает и проповедует Того же Самого и как всегда невидимого, и как впоследствии ставшего видимым. Этим опровергается гнилое измышление Сервета о том, что у плоти и Божества одна природа и сущность, и что Слово потому преобразилось в плоть, что в этой плоти был видимым животворящий Глагол Божий. Итак, будем помнить, что евангельское учение утверждает следующее: Тот, Кто доказал, что воистину является Сыном Божиим во плоти, и был Таковым признан, всегда существовал как невидимое божественное Слово. И апостол имеет здесь в виду не начало мира, но нечто более возвышенное.

Что мы слышали, что видели. Слышание это было не простым слухом, не заслуживающим обычно большого доверия. Иоанн имеет в виду другое: тому, чему он учит, он сам научился от своего Учителя, и ничего не говорит по дерзости и необдуманно. Действительно, в Церкви к учительству пригоден лишь тот, кто ранее был учеником Сына Божия и правильно обучался в Его школе, поскольку ценится здесь лишь Его авторитет. В словах же о том, что «мы видели своими очами», содержится не плеоназм, но особая выразительность ради усиления смысла. Больше того, не довольствуясь простым созерцанием, апостол добавляет: что мы «рассматривали», что осязали руки наши. Эти слова свидетельствуют: апостол учит лишь тому, что основательно разужнал сам. Но кажется, что свидетельства органов чувств в настоящем случае мало уместны. Ибо сила Христова непостижима ни для очей, ни для осязания руками. Отвечаю: здесь сказано то же, что и в первой главе его Евангелия: мы видели славу Его, славу достойную Единородного Сына Божия. Ведь Сын Божий был признан Таковым не по внешнему телесному виду, но по явленным ярким доказательствам Сво-

ей божественной силы. Так что в Нем, как в живом отпечатленном образе, блистало Отчее величие. Поскольку же глагол стоит во множественном числе, и сказанное одинаково подходит ко всем апостолам, я охотно отнесу эту фразу к ним всем. Особенно потому, что речь идет об авторитете свидетельства.

Впрочем¹ (как я недавно говорил) столь же глупа, сколь и постыдна гнусность Сервета, ссылающегося на эти слова, чтобы доказать, будто Слово Божие было видимым и осязаемым. Он нечестивым образом² либо изничтожает, либо смешивает две природы во Христе. Он выдумывает незнамо что, так обожествляя человечество Христово, что полностью лишает Его истинной человеческой природы. И, между тем, отрицает, что Христос был Сыном Божиим по какой-либо иной причине, кроме той, что Он был зачат от матери силою Святого Духа, лишая Его Собственной Божеской Ипостаси. Отсюда следует, что Христос не был ни Богом, ни человеком, хотя Сервет, кажется, лепит из них обоих некое бесформенное месиво. Однако, поскольку для нас ясна подлинная мысль апостола, не будем обращать внимание на этого пса.

О Слове жизни. Родительный падеж употреблен здесь вместо прилагательного: животворящий. Поскольку (как учит апостол в первой главе своего Евангелия) в Нем была жизнь. Хотя этот титул подобает Сыну Божию по двум причинам: потому, что Он изливает жизнь на все творения, и потому, что ныне восстанавливает в нас жизнь, погибшую из-за греха Адама. Больше того, сам термин «Слово» можно истолковать двояко, относя его либо ко Христу, либо к Евангельскому учению. Ведь через него нам также предлагается спасение. Впрочем, поскольку суть его заключается во Христе, и говорит оно лишь о том, что людям явился Тот, Кто всегда пребывал у Отца, первое толкование кажется мне более простым и близким к подлинному смыслу. То же, что Словом зовется Премудрость, пребывающая в Боге, яснее видно из текста одноименного Евангелия.

2) *Ибо жизнь явилась.* Союз помещен здесь с целью пояснения. Апостол как бы говорит: мы свидетельствуем о животворящем Слове постольку, поскольку Оно явилось как жизнь. Хотя и здесь может присутствовать двоякий смысл: или такой, что Сам явившийся Христос был жизнью и источником жизни, или такой, что во Христе нам была открыта предложена жизнь. Причем, второе с необходимостью следует из первого. Но касательно значения самих слов, эти два положения отличаются друг от друга, как причина и ее следствие. В том же месте, где апостол повторяет: возвещаем вам сию вечную жизнь, — он, без всяких сомнений, говорит о следствии, а именно: он возвещает, что жизнь обретена для нас благодеянием Христовым. Отсюда мы выводим: когда нам проповедуют Христа, перед нами открывается Царство Небесное, дабы, восстав от смерти, мы жили жизнью Бога.

Которая была у Отца. Это было истинно не только с того момента, как был создан мир, но от самой вечности. Ибо Бог всегда был источником жизни. Сила и способность животворить пребывала в Его вечной Премудрости. Однако Он не использовал эту силу до сотворения мира. С того же момента, как Бог начал производить Свое Слово, эта сила, прежде остававшаяся сокрытой, разлилась по всем творениям. Уже одно это являлось в некотором смысле откровением, но апостол имеет в виду другое: жизнь явилась во Христе лишь тогда, когда Сам Он, облекшись в нашу плоть, совершил для нас искупление. И хотя отцы были причастниками и обладателями этой жизни даже во времена закона, мы знаем, что все они находились как бы взаперти, под стражей имеющейся открыться надежды. Им также было необходимо просить жизни от смерти и воскресения Христова, но эти события не только были далеки от их взора, но и сокрыты от их помышления. Итак, они опирались на надежду откровения, последовавшего лишь в положенное ему время. Отцы могли обладать жизнью, явленной им до определенной степени, но между нами и ними имеется различие: они искали нечто, неясно обещанное им в образах, мы же как бы руками держим то, что уже явлено открыто. Впрочем, намерением апостола было устранить подозрение в новизне, способное повредить авторитету Евангелия. По этой причине он и говорит: хотя жизнь явилась нам недавно, началась она вовсе не недавно, ибо от вечности пребывала у Отца.

3. *О том, что мы видели и слышали, возвещаем вам, чтобы и вы имели общение с нами; а наше общение — с Отцем и Сыном Его Иисусом Христом.* 4. *И сие пишем вам, чтобы радость ваша была совершенна.* 5. *И вот благовестие, которое мы слышали от Него и возвещаем вам: Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы.* 6. *Если мы говорим, что имеем общение с Ним, а ходим во тьме, то мы лжем и не поступаем по истине;* 7. *если же ходим во свете, подобно как Он во свете, то имеем общение друг с другом, и Кровь Иисуса Христа, Сына Его, очищает нас от всякого греха.*

(3. *О том, что мы видели и слышали, возвещаем вам, чтобы и вы имели общение с нами; а наше общение с Отцем и Сыном Его Иисусом Христом.* 4. *И сие пишем вам, чтобы радость ваша была совершенна.* 5. *И вот обетование, которое мы слышали от Него и возвещаем вам: Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы.* 6. *Если мы говорим, что имеем общение с Ним, а ходим во тьме, то мы лжем и не творим истину;* 7. *если же ходим во свете, подобно как Он во свете, то имеем общение друг с другом, и Кровь Иисуса Христа, Сына Его, очищает нас от всякого греха.*)

¹ Удивительная

² Означает

3) *Что мы видели.* Уже в третий раз апостол повторяет свое «видели» и «слышали», дабы в надежности и несомненности его учения не было чего-то недостающего. Следует тщательно отметить то, что вестники Евангелия были избраны Самим Христом. Были избраны те, кто мог бы быть удобным и верным свидетелем всего, что они собирались проповедовать. Одновременно апостол говорит о собственном душевном чувстве. По его словам, писать побудило его не что иное, как желание пригласить тех, кому он пишет, к соучастию в бесценном благе. Отсюда явствует, сколь сильно заботился он о спасении своих читателей. А это немало укрепляет для нас авторитет веры. Ибо мы будем весьма неблагодарны, если откажемся выслушать того, кто хочет сообщить нам часть достигнутого им счастья.

Затем апостол рассказывает про плод, получаемый нами от Евангелия, а именно: соединение с Богом и Сыном Его, Иисусом Христом, в чем и заключается наивысшее благо. И эту вторую часть надлежало добавить не только для того, чтобы сделать евангельское учение драгоценным и любимым, но и чтобы показать: апостол желает сделать их своими соучастниками только для того, чтобы привести их к Богу, дабы все они стали в Нем едино. Ведь и между отверженными имеются взаимные узы, но вне Бога. Больше того, они используют их, чтобы еще дальше отойти от Создателя, что является крайним проявлением зла. Наше же единственное блаженство (как было сказано) состоит в том, что Бог принимает нас в Свою благодать, дабы мы во истину соединились с Ним во Христе. Об этом см. Ин.17. В итоге, Иоанн возвещает: подобно тому, как апостолы были приняты Христом в братья, дабы, соединившись в одно тело, вместе прилепиться к Богу, то же относится и к другим соучастникам, дабы многие обрели долю в этом священном и блаженном единстве.

4) *Чтобы радость ваша.* Под совершенной радостью апостол имеет в виду более полное и законченное блаженство, чем то, которое мы получаем от Евангелия. Одновременно он учит верующих, к чему именно должны быть направлены все их чувства. Истинно высказывание: где наше сокровище, там и наше сердце (Мф.6:11). Итак, любой, понимающий, сколь драгоценно это общение с Богом, охотно довольствуется им одним и больше не томится разными пожеланиями. Господь – чаша моя (говорит Давид, Пс.15:5) и наследие мое; межи мои прошли по прекрасным местам. Так же и Павел (Фил.3:8) говорит, что все почитает сором, дабы обрести одного Христа. Посему в жизни по Евангелию преуспевает лишь тот, кто, считая себя блаженным через общение с Богом, успокоивается только в Нем, предпочитает это общение всему миру и ради него готов оставить все.

5) *И вот благовестие (обетование).* Я также одобряю вариант древнего переводчика: вот возвешение. Слово *ἐπαγγελία* по-гречески чаще означает обетование, но поскольку Иоанн говорит здесь обобщенно об упомянутом ранее свидетельстве, кажется, что контекст скорее требует другого смысла. Разве что перевести так: обетование, которое мы вам предлагаем, влечет за собой это условие, или связано с этим условием. Таким образом, нам станет ясной мысль апостола. Ибо он имеет здесь в виду не все евангельское учение, но показывает: если мы хотим наслаждаться Христом и Его благами, то должны соотноситься с Богом в праведности и святости. Подобно тому, как Павел говорит во второй главе Послания к Титу: явилась спасительная для всех благодать Божия, дабы, отрехшись от нечестия и мирских пожеланий, мы трезво и праведно, и свято жили в этом мире. Хотя, возможно, Иоанн иносказательно учит здесь хождению во свете, говоря, что Бог есть свет. Далее, так как апостол в одном месте говорит, что Бог – *свет*, а в другом, что Он пребывает *во свете*, не следует особо настаивать на отдельных словах. Хорошо известно, почему сатана зовется князем тьмы. Значит, поскольку Бог, напротив, зовется светом и Отцом света, мы должны понять, во-первых, что в Нем есть только правдивость, чистота и искренность, а, во-вторых, что Он сиянием Своим озаряет все мироздание, не позволяя укрыться никакой скверне и грязи, никакому лицемерию или обману. Посему итог таков: поскольку между светом и тьмой нет никакого согласия, мы, покуда ходим во тьме, враждуем с Богом, и упомянутое ранее общение с Ним может состояться только тогда, когда мы сами будем чисты и полны света.

Нет в Нем никакой тьмы. Весьма привычный для Иоанна способ выражения – усиливать утверждение отрицанием противоположного. Поэтому смысл таков: Бог является светом настолько, что не допускает никакой тьмы. Отсюда следует, что Он ненавидит злую совесть, скверные и извращенные нравы, и все, что отдалет тьмою.

6) *Если мы говорим.* Довод от противного, поскольку апостол заключает, что ходящие во тьме чужды Богу. Однако это учение зависит от более возвышенного принципа: Бог освящает Своих людей. Ибо, требуя от нас святой жизни, Он дает не одну лишь заповедь. Скорее Бог показывает, что благодать Христова способна рассеять тьму и возжечь в нас божественный свет. Иоанн как бы говорит: то, что Бог сообщается с нами, не является пустым вымыслом. Но сила и последствия этого общения с необходимостью должны воссиять в жизни. Иначе исповедание Евангелия будет лживым. Фраза же «не творим истину» значит то же, что и слова: не поступаем по истине. Как я отмечал прежде, это одно из излюбленных апостольских выражений.

7) *Если же ходим во свете.* Теперь апостол говорит, что, если мы сообразны Богу, это – надежный знак нашего с Ним соединения. Не потому, что чистота жизни примиряет с нами Бога в качестве первой причины. Нет, апостол имеет в виду, что, если в нас сияет Божия чистота, из этого следствия будет очевидным наше с Ним соединение. Действительно, дело обстоит так: куда бы ни пришел Бог, Его святость разливается повсюду и смывает всякую грязь. Вне же Бога в нас имеются одна лишь нечистота и мрак. Отсюда явствует:

никто не живет правильно, если прежде не прилепится Богу. Говоря же: «общение друг с другом», – апостол имеет в виду не общение между людьми, но поставляет с одной стороны нас, а с другой – Бога. Однако можно спросить: кто из людей способен настолько выразить в жизни своей божественный свет, чтобы в нем воистину имелось требуемое Иоанном подобие? Ведь такой человек с необходимостью должен быть полностью чист и свободен от мрака. Отвечаю: такого рода изречения надо приспособлять к людскому восприятию. Значит, подобным Богу зовется тот, кто стремится уподобиться Ему, как бы далеко пока от Него ни отстоял. И пример этого можно усмотреть прямо в обсуждаемом отрывке. Во тьме ходит всякий, не управляемый страхом Божиим, не стремящийся с чистой совестью к тому, чтобы, посвящая себя целиком Богу, усердствовать в продвижении Его славы. Значит, наоборот, если кто, с искренним сердцем сообразуя свою жизнь во всех ее частях со страхом Божиим и повиновением Ему, почитает Его в чистоте, он, даже во многом согрешая и вздыхая под бременем плоти, считается ходящим во свете, поскольку ведет правильную жизнь. Итак, только целомудрие совести отличает свет от тьмы.

И Кровь Иисуса Христа. Научив, какие узы единства имеются у нас с Богом, апостол показывает происходящий отсюда плод, а именно: незаслуженное отпущение наших грехов. Именно это блаженство Давид описывает в тридцать первом псалме, дабы мы знали, что являемся несчастнейшими, покуда, возрожденные Духом Божиим, с чистым сердцем не станем Ему служить. Ибо можно ли вообразить кого-либо несчастнее человека, которого ненавидит и гнушается Бог, на главу которого вместе с гневом Божиим обрушивается вечная смерть?

Это замечательное место прежде всего научает нас, что умилоствление, обретенное смертью Христовой, относится к нам лишь тогда, когда мы с правым сердцем соблюдаем справедливость. Ибо Христос является Икупителем только тех, кто, обратившись от неправды, начинает новую жизнь. Посему, если мы хотим видеть Бога умилоствленным, дабы Он простил наши грехи, то не должны прощать себя сами. Наконец, отпущение грехов нельзя отделять от покаяния, и мир с Богом не может царить в совести, где не правит Божий страх.

Во-вторых, этот отрывок учит, что незаслуженное прощение грехов дается нам не один раз в жизни. Напротив, это благодеяние постоянно пребывает в Церкви и ежедневно предлагается верующим. Ведь апостол обращается здесь к верным. Так что, воистину, никогда не было, нет и не будет человека, способного угождать Богу иначе, ибо все пребывают перед Ним в состоянии вины. Каким бы ни было в нас усердие к правому делу, мы всегда шагаем к Богу хромающей походкой. Но все половинчатое не заслуживает похвалы у Бога. Между тем, новыми грехами мы, со своей стороны, отторгаем себя от милости Божией. Поэтому все святые нуждаются в ежедневном отпущении грехов, ибо только оно удерживает нас в семье Божией.

Говоря же: «от всякого греха», – апостол имеет в виду, что мы виновны перед Богом по многим статьям. Так что нет никого, кто не страдал бы многочисленными пороками. Впрочем, апостол учит, что благочестивым и боящимся Бога никакие грехи не мешают Ему угождать. Он также показывает способ обретения прощения и причину очищения, а именно: Христос изгладил наши грехи Собственной Кровью. Но апостол утверждает, что все благочестивые без сомнения будут участниками этого очищения.

И эту часть учения нечестиво извращают софисты. Ибо они воображают, что незаслуженное прощение грехов дается нам только в крещении. Лишь на это, по их словам, способна Христова Кровь. Но после крещения, – учат они, – мы не иначе примиряемся с Богом, как путем сатисфакций. Они и здесь оставляют Крови Христовой какую-то часть, но, приписывая, пусть и наименьшую, долю славы делам, полностью извращают служение искупления грехов и примирения с Богом, о котором здесь говорит Иоанн. Ведь два положения: «мы очищаемся Кровью Христовой», и «нашим очищением являются дела», – никогда не состыкуются друг с другом. Ведь Иоанн приписывает здесь Крови Христовой не половину, а все дело очищения. Значит, итог таков: верующие должны твердо осознать, что приняты Богом, поскольку Он умилоствлен к ним жертвоприношением Христовой смерти. Жертвоприношение же включает в себя очищение, умилоствление и удовлетворение. Посему сила и действенность всего этого подобает только Христовой Крови.

Этим опровергается богохульное измышление папистов об индульгенциях. Они, словно им недостаточно Христовой Крови, призывают на помощь также кровь и заслуги мучеников. Хотя это богохульство проявляется у них в еще худшем варианте. Ибо, утверждая, что их ключи, в которых, по их словам, заключается отпущение грехов, отчасти составлены из крови и заслуг мучеников, а отчасти – из сверхдолжных дел, которыми себя искупает каждый грешник, они оставляют у себя лишь такое отпущение грехов, которое оскорбительно для Крови Христовой. Ведь, если их учение правильно, Христова кровь не очищает, но лишь частично помогает нашему очищению. И совесть, которой апостол предписывает здесь твердое упование, окажется в подвешенном состоянии.

8. Если говорим, что не имеем греха, – обманываем самих себя, и истины нет в нас. 9. Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи (наши) и очистит нас от всякой неправды. 10. Если говорим, что мы не согрешили, то представляем Его лживым, и слова Его нет в нас.

(8. Если говорим, что не имеем греха, — обманываем самих себя, и истины нет в нас. 9. Если исповедуем грехи наши, Он верен и праведен, дабы простить грехи наши и очистить нас от всякой неправды. 10. Если говорим, что мы не согрешили, то представляем Его лживым, и слова Его нет в нас.)

8) *Если говорим.* Апостол восхваляет эту благодать, ссылаясь на ее необходимость. Поскольку никто не свободен от греха, все мы, по его словам, погибшие и безнадёжные люди, если Господь не поможет нам врачевством отпущения. Вот причина, по которой апостол столь сильно настаивает на том, что никто не является невинным. Он хочет, чтобы все еще лучше поняли, что нуждаются в милосердии, избавляющем их от гибели, и таким образом все больше побуждались к обретению столь необходимого блага. Словом «грех» здесь означаются не только дурные и порочные наклонности, но и вина, воистину делающая нас нечистыми перед Богом. Далее, поскольку положение это является всеобщим, из него следует: никто из святых, бывших, настоящих и будущих, не изъят из числа грешников. Посему Августин весьма кстати опровергал этим свидетельством уловку пелагиан. Ибо в нем мудро говорится, что исповедание вины требуется не ради смирения, а чтобы не обманывать самих себя. Добавляя же «истины нет в нас», апостол по своему обыкновению подтверждает повтором предыдущее предложение. Хотя здесь имеется не простой повтор (как в других местах), но апостол говорит о заблуждении тех, кто похвально самообманом.

9) *Если исповедуем.* Апостол снова обещает верующим умилоствление к ним Бога, лишь бы они исповедали свои грехи. Ибо весьма важно быть твердо убежденными в том, что нам, когда мы согрешаем, уготовано и обеспечено примирение с Богом. Иначе мы всегда будем носить в себе ад. Немногие думают о том, сколь несчастна и плачевна неопределенность совести, но дело обстоит так, что ад царствует везде, где нет мира с Богом. Тем более подобает всей душою принимать обетование, предлагающее всем исповедующим свои грехи надежную милость. Далее, апостол учит, что обетование это основано на верности и справедливости Бога. Ибо обещавший его Бог правдив и истинен. Те же, кто думает, будто Бог зовется *праведным*, поскольку незаслуженно нас оправдывает, философствуют (на мой взгляд) чрезмерно утонченно. Ибо праведность эта зависит от веры, обетование же связано и с тем, и с другим. Иначе Бог мог бы быть праведным и, тем не менее, поступать с нами по Собственному верховному праву. Но поскольку Бог связал Себя перед нами Собственным Словом, Он хочет считаться праведным только тогда, когда нас прощает. Впрочем, исповедание это, адресуясь Богу, требует от нас искренности сердца. Сердце же не может обращаться к Богу без обновления жизни. Следовательно, оно должно содержать в себе истинное покаяние. Да, Бог прощает нас даром, но так, чтобы легкость обретения милости не стала побуждением к греху.

И очистит нас. Глагол «очищать», кажется, несет иной смысл, нежели в предыдущем предложении. Ранее апостол говорил, что мы очищаемся Христовой Кровью, поскольку по благодетелю Христову нам не вменяются грехи. Теперь же, сказав о прощении, он добавляет: «от неправды нас очищает Бог», — дабы второе положение отличалось от первого. Таким образом, он хочет сказать, что исповедание приносит нам двойной плод. Бог прощает нас, умилоствленный жертвою Христовой, и одновременно изменяет и исправляет нас. Если же кто возразит, что мы, покуда странствуем в этом мире, не очищаемся до конца от всякой неправды, это будет правильным в отношении обновления. Но Иоанн говорит не о том, что совершает в нас Бог теперь. Бог верен, — возглашает апостол, — чтобы нас очистить. Но не сегодня и не завтра. Ибо, доколе мы облечены в плоть, нам надлежит постоянно продвигаться вперед. Но Бог продолжает делать начатое, доколе его не завершит. Так говорит и Павел (Кол.1:22): мы избраны к тому, чтобы быть непорочными перед Богом. И в другом месте (Еф.5:27): Церковь очищена, чтобы быть без пятна и порока. Хотя, если кто предпочтет иначе истолковать данное место — словно апостол дважды повторяет здесь то же самое, — я оставлю это на его усмотрение.

10) *Представляем Его лживым.* Апостол идет дальше и говорит: богохульствует тот, кто хвалится собственной чистотой. Мы видим, как Бог повсеместно осуждает в грехе весь человеческий род. Посему всякий, пытающийся избежать этого осуждения, ведет с Богом войну и обвиняет Его во лжи, словно Бог ополчается на невинных. Ради подтверждения сказанного апостол добавляет: «и слова Божия нет в нас». Он как бы говорит: мы отвергаем Его учение, объявляющее всех виновными. Отсюда мы выводим, что лишь тогда правильно продвигаемся в Слово Божию, когда воистину смиряем самих себя. Дабы, воздыхая под бременем своих грехов, мы научились прибегать к милосердию Божию и успокаиваться только в Его Отческом прощении.

Глава 2

1. Дети мои! сие пишу вам, чтобы вы не согрешили; а если бы кто согрешил, то мы имеем ходатаю пред Отцем, Иисуса Христа, праведника; 2. Он есть умилоствление за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира.

(1. Дети мои! Сие пишу вам, чтобы вы не согрешили; а если бы кто согрешил, то мы имеем ходатаю пред Отцем, Иисуса Христа, праведника; 2. Он есть умилоствление за грехи наши, и не только за наши, но и всего мира.)

1) Дети мои. Воздержание от грехов — не только ἀνακεφαλαιώσις предыдущего учения, но и краткий итог всего Евангелия. Однако, поскольку мы всегда подлежим суду Божию, то должны быть уверены, что Хри-

стос ходатайствует за нас жертвоприношением Своей смерти, дабы умиловать к нам Отца. Между тем, апостол пользуется упреждением, дабы кто не подумал, будто проповедь милосердия Божия и учение о его предложении всем нам дает ему позволение грешить. Итак, апостол соединяет вместе две части Евангелия, которые порочные люди коверкают и уродуют путем разделения. Кроме того, учение о благодати всегда было подвержено клевете нечестивых. Когда во Христе нам предлагается прощение грехов, они заявляют, что дается разрешение грешить. И дабы упредить подобное зло, апостол, во-первых, свидетельствует: цель его учения в том, чтобы люди перестали грешить. Ибо говоря: «чтобы вы не согрешали», – он хочет лишь воздержания от грехов по мере немощных человеческих сил. Сюда же относится и то, что я уже говорил о союзе с Богом и уподоблении Ему. Между тем, апостол не умалчивает и о незаслуженном отпущении грехов. Ибо эту часть учения никогда не следует пропускать, даже если небо обрушится и все в мире придет в смятение. Напротив, служение Христово надо проповедовать ясно и открыто.

Таким же образом надлежит нам поступать и теперь. Поскольку плоть склонна к распущенности, людей следует тщательно убеждать в следующем: праведность и спасение обретенны Христовой смертью для того, чтобы мы стали священным божественным стадом. Однако, сколь бы многие ни злоупотребляли милосердием Божиим, сколь бы многие псы ни клеветали на нас, словно мы срываем узду с пороков, надо отважно продолжать утверждать благодать Христову, в которой ярчайшим образом сияет слава Божия и полностью заключено людское спасение. Следует презирать лай нечестивых, который, как мы видим, раздавался и в адрес апостолов. По этой причине Иоанн добавляет второе положение: если мы согрешили, то имеем *Ходатаю*. Этими словами он подтверждает сказанное прежде: поскольку мы далеки от совершенной праведности, больше того, ежедневно увеличиваем свою вину, нам одновременно дается средство умиловления Бога, если мы прибегаем ко Христу. Только в этом может успокоиться человеческая совесть, только в этом содержится человеческая праведность, только на этом основана надежда спасения. Условная же фраза «если кто» должна пониматься здесь в смысле причины. Ибо невозможно, чтобы мы не грешили.

Наконец, Иоанн имеет в виду, что Евангелие не только отваживает нас от грехов, поскольку через него нас зовет к Себе Сам Бог и предлагает нам Дух возрождения, но и помогает несчастным грешникам, делая Бога всегда милостивым к ним. И грехи, связывающие грешников, не мешают им быть праведными, поскольку грешники имеют Ходатаю, примиряющего их с Богом. Далее, желая показать, каким образом мы обретаем милость Божию, апостол говорит, что Христос является для нас *Ходатаем*. Ибо Он для того предстоит перед лицом Божиим, чтобы ради нас проявлять силу и действенность Своей жертвы. И чтобы читатели еще лучше это уяснили, остановлюсь на данных словах подробнее. Ходатайство Христово есть постоянное приложение заслуг Его смерти ради нашего спасения. Итак, то, что Бог не вменяет нам грехи, происходит потому, что Он взирает на ходатайствующего Христа.

Впрочем, два титула, коими апостол впоследствии наделяет Христа, в собственном смысле подходят настоящему контексту. Он называет Христа *праведником* и *умилованием*. Действительно, Ему надлежит быть и тем, и другим, дабы исполнять служение и обязанности Ходатая. Ибо, какой грешник может обрести для нас благодать Божию? Бог потому и недоступен для нас, что никто не чист и не свободен от греха. Посему пригодным священником может быть лишь тот, кто невинен и отделен от грешников, как сказано в Евр.7:26. Слово же «умилование» добавлено постольку, поскольку пригодного священника не бывает без жертвы. Так во времена закона священник входил во святилище, только предварительно окропив его кровью. И жертва по установлению Божию использовалась во время молитв как торжественная их печать. Этим символом Бог желал засвидетельствовать: чтобы кто-то обрел для нас милость, ему надлежит сперва принести жертву. Ведь там, где оскорбляется Бог, для Его умиловления требуется жертва возмещения. Отсюда следует, что все прошлые, настоящие и будущие святые нуждаются в Ходатае, и только Христос пригоден для такого служения. Иоанн подчеркнуто приписывает Христу эти два эпитета, дабы показать Его единственным Ходатаем.

Отсюда мы также получаем великое утешение, ибо слышим, что Христос не только однажды умер, чтобы умиротворить к нам Отца, но и постоянно ходатайствует за нас, дабы ради Его имени мы имели доступ к Богу, и Он выслушивал наши молитвы. Таким образом, следует в наивысшей степени остерегаться переносить на кого-то другого принадлежащую Христу честь. Но, как мы знаем, в папстве служение ходатая повсеместно приписывается святым. Сейчас исполнилось тридцать лет с тех пор, как этот важнейший артикул нашей веры едва не был похоронен. Сегодня исповедуют, что Христос – один из многих, но не единственный Ходатай. Те же из папистов, кто немного более стыдлив, не отрицают, что Христос выделяется среди всех. Но затем придают Ему огромную толпу сотоварищей. Однако слова апостола звучат ясно: ходатаем может быть лишь тот, кто одновременно является священником. Священство же прилежит одному лишь Христу. Между тем, мы не устраним взаимные ходатайства святых, коими они упражняют себя в любви друг ко другу. Но это никак не относится к умершим, покинувшим людское общежитие. Никак не относится сказанное и к их заступничеству, изобретенному людьми, чтобы не быть подопечными одного лишь Христа. Ведь даже если братья молятся за братьев, все они без исключения взирают на Единого Ходатаю. Итак, нет сомнения в том, что паписты ставят вместо Христа столько же идолов, сколько изобретают для себя заступников.

Попутно следует отметить: весьма грубо заблуждаются те, кто думает, будто Христос, молясь за нас, валяется у Отца в ногах. Следует отвергнуть все подобные выдумки, унижающие Христову славу, и оставить одно простое учение: плод смерти Христовой действителен для нас постоянно, потому что Он ходатайством Своим умиляет к нам Бога, освящая наши молитвы благоволением Своей жертвы и помогая им Своим заступничеством.

2) *И не только за наши.* Апостол добавляет это ради усиления смысла, дабы верующие твердо знали: умиление, обретенное Христом, простирается на всех, принимающих Евангелие верою. Но здесь возникает вопрос: как же изглаживаются грехи всего мира? Я пропускаю бредни тех безумцев, которые под этим предлогом допускают к спасению всех отверженных и даже самого дьявола. Такой чудовищный бред даже не следует опровергать. Те же, кто хотел избежать подобного абсурда, говорили, что Христос в смысле достаточности пострадал за весь мир, но в смысле действительности – за одних лишь избранных. Подобное решение вопроса широко распространено в богословских школах. Я же, хотя и признаю сказанное правильным, все же отрицаю, что такое толкование подходит к настоящему месту. Ибо замысел Иоанна заключался здесь лишь в том, чтобы распространить это благодеяние на всю Церковь. Значит, под всеми он имеет в виду не отверженных, но тех, кому однажды предстоит уверовать, и кто рассеян по разным частям света. Ведь благодать Христова воистину прославляется лишь тогда, когда ее проповедуют единственным спасением мира.

3. *А что мы познали Его, узнаем из того, что соблюдаем Его заповеди.* 4. *Кто говорит: «я познал Его», но заповедей Его не соблюдает, тот лжец, и нет в нем истины;* 5. *а кто соблюдает слово Его, в том истинно любовь Божия совершилась: из сего узнаем, что мы в Нем.* 6. *Кто говорит, что пребывает в Нем, тот должен поступать так, как Он поступал.*

(3. *И из того узнаем, что мы познали Его, если соблюдаем Его заповеди.* 4. *Кто говорит: «я познал Его», но заповедей Его не соблюдает, тот лжец, и нет в нем истины;* 5. *а кто соблюдает слово Его, в том истинно любовь Божия совершилась: из сего узнаем, что мы в Нем.* 6. *Кто говорит, что пребывает в Нем, тот должен поступать так, как Он поступал.*)

3) *А что мы.* Ранее обсудив учение о незаслуженном прощении грехов, апостол снова возвращается к соединенным с ним и зависящим от него увещаниям. Во-первых, он учит, что познание Бога, получаемое из Евангелия, не является праздным. Напротив, оно рождает послушание. Затем он показывает, чего именно в наивысшей степени требует от нас Бог, что в жизни самое главное, а именно: чтобы мы любили Бога. И читаемое здесь о живом познании Бога повсеместно повторяется в Священном Писании. Нет ничего более привычного для мира, нежели сводить учение благочестия к холодным умствованиям. И сорбонские софисты так извратили богословие, что во всем их знании не содержится даже малой искорки благочестия. Любопытные люди всегда находят в Слове Божием лишь то, о чем болтают ради показа своей учености. Наконец, во все века был весьма распространен порок – упоминать имя Божие всуе.

Итак, Иоанн считает изначальным принципом то, что познание Божие должно быть действительным. Отсюда он выводит, что те, кто не соблюдает заповеди Божии, никоим образом Его не познали. Так и Платон, хотя и блуждал в потемках как бы на ощупь, отрицает возможность познания воображаемой им красоты без того, чтобы она не вызвала в человеке восхищение собою. Так говорит он в *Федре* и других книгах. Значит, как же может быть, чтобы ты познал Бога и остался к Нему бесчувственным? Из природы Божией проистекает не только то, что, познав Бога, мы тут же начинаем Его любить, но Тот же Дух, Который просвещает наш разум, одновременно влагает в наши сердца сообразный познанию аффект. Хотя познание Божие влечет с собою сразу и любовь и страх. Ибо мы не можем признать Бога Тем, Кем Он Себя являет, то есть, Господом и Отцом, без того, чтобы со своей стороны выказать себя воспитанными детьми и послушными слугами. Вкратце: евангельское учение – это живое зеркало. Созерцая в нем образ Божий, мы в него же и преобразуемся, подобно тому, как учит Павел в *2Кор.3:18*. Так что там, где нет чистой совести, может быть лишь пустая видимость знания.

Здесь надо отметить порядок, которому следует апостол, говоря: «мы узнаем, что познали». Он имеет в виду, что послушание Богу так соединено с познанием, что по порядку познания все же стоит на первом месте. Ведь необходимо, чтобы причина предшествовала своему следствию.

Соблюдаем Его заповеди. Но нет никого, кто полностью бы их соблюл; значит, в мире нет никакого познания Бога. Отвечаю: апостол никак себе не противоречит. Ранее сделав всех виновными перед Богом, под соблюдающими заповеди он имеет в виду не тех, кто полностью исполняет закон (пример чего нельзя найти в этом мире), но тех, кто по мере немощных человеческих способностей старается проводить жизнь в послушании Богу. И всякий раз, как Писание говорит о праведности верующих, оно ни в коем случае не исключает прощения грехов. Скорее напротив, с него-то оно и начинается. И отсюда нельзя заключить, что вера опирается на дела. Хотя каждый черпает свидетельство своей веры от дел, отсюда не следует, что она на них основана, ибо это последующее подтверждение играет только роль признака. Значит, уверенность веры основана на одной лишь благодати Христовой. Но благочестие и святость жизни отличают истинную веру от выдуманного и мертвого знания о Боге. Поскольку (как говорит Павел в *Кол.3:9*) истина во Христе такова: совлечься ветхого человека, и т.п.

4) *Кто говорит: «я познал Его».* Отсюда апостол и доказывает лживость того, кто претендует на веру без благочестия, а именно: он делает это от противного, ибо уже установил, что познание Бога – действенная вещь. Ведь Бог не познается посредством голого воображения, но лишь тогда, когда являет Себя в наших сердцах через Свой Дух. Впрочем, поскольку многие лицемеры напрасно гордятся званием верующих, апостол и обвиняет их в обмане. Ведь сказанное им было бы излишним, если бы уста многих не провозглашали ложного и пустого исповедания христианства.

5) *А кто соблюдает.* Теперь Иоанн определяет, каково истинное соблюдение закона Божия: оно состоит в любви к Богу. Это место (на мой взгляд) плохо толкуют те, кто понимает его так: соблюдающие Слово Божие воистину угодны Богу. Скорее следует понимать иначе: любить Бога с искренним сердечным чувством и значит соблюдать Его заповеди. Ибо апостол (как я уже говорил) хотел коротко пояснить, чего именно от нас требует Бог, и в чем состоит святость верующих. То же самое говорил и Моисей, подводя краткий итог закону: Итак, Израиль, чего от тебя требует Господь, Бог твой? Того только, чтобы ты боялся Господа, Бога твоего, ходил всеми путями Его, и любил Его. Втор. 10:12. А также, 30:19: Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое, любил Господа, Бога твоего, слушал глас Его и прилеплялся к Нему. Ибо закон, будучи духовным, заповедует не только внешние дела, но главным образом велит нам любить Бога от всего сердца. И не должно казаться глупым, что здесь нет никакого упоминания о людях. Ибо из любви к Богу, как мы увидим после, сразу же проистекает братская любовь. Значит, всякий желающий сделать свою жизнь угодной Богу, пусть к этому и направляет все свои усилия. Если же кто возразит, говоря, что никогда еще не было человека, столь совершенно любившего Бога, отвечаю: достаточно, чтобы каждый по мере данной ему благодати стремился к этому совершенству. Между тем, незыблемо определение: совершенная любовь к Богу есть соблюдение Его Слова. И нам надлежит как продвигаться в познании, так и преуспевать в соблюдении заповедей.

Узнаем, что мы в Нем. Апостол возвращается к упомянутому ранее плоду Евангелия, а именно: к союзу с Богом и Его Сыном. И, ссылаясь на следствия, доказывает предыдущее положение. Ведь, если цель Евангелия – общение с Богом, а общения не может быть без любви, никто не преуспевает в вере, как должно, если от всего сердца не прилепляется к Богу.

6) *Кто говорит, что пребывает в Нем.* Ранее в качестве примера предложив нам Божий свет, апостол теперь призывает нас ко Христу, дабы мы стали Его подражателями. Хотя он не просто увещевает нас подражать Христу, но, ссылаясь на единство, которое мы имеем с Ним, доказывает необходимость нашего Ему уподобления. Схожесть жизни и дел докажет, что мы пребываем во Христе, – говорит апостол. Далее, этими словами он делает переход к тут же следующему положению о необходимости любви к братьям.

7. Возлюбленные! пишу вам не новую заповедь, но заповедь древнюю, которую вы имели от начала: заповедь древняя есть слово, которое вы слышали от начала. 8. Но притом и новую заповедь пишу вам, что есть истинно и в Нем, и в вас: потому что тьма проходит и истинный свет уже светит. 9. Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме. 10. Кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нем соблазна. 11. А кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза.

(7. Братья! Пишу вам не новую заповедь, но заповедь древнюю, которую вы имели от начала. Заповедь древняя есть слово, которое вы слышали от начала. 8. Но притом и новую заповедь пишу вам, что есть истинно и в Нем, и в вас: потому что тьма проходит и истинный свет уже светит. 9. Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме. 10. Кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нем соблазна. 11. А кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза.)

Возлюбленные! пишу вам. Это объяснение предыдущего учения о том, что любовь к Богу означает исполнение Его заповедей. И апостол не напрасно столь сильно на этом настаивает. Во-первых, мы знаем, что новизна всегда подозрительна и вызывает неприязнь. Затем, мы с трудом возлагаем на себя непривычное бремя. К тому же там, где мы восприняли какой-то определенный вид учения, нам тяжело что-либо в нем менять и обновлять. По этим причинам Иоанн говорит, что о любви он учит лишь тому, что верующие слышали от начала, и что уже долго исполняли на практике. Другие толкователи иначе понимают новизну, а именно: ныне в Евангелии Христос предписывает такое же правило жизни, какое Бог некогда предписал в законе. И это совершенно правильно. Я не отрицаю, что в этом смысле немного ниже апостол назовет евангельское Слово древней заповедью. Но думаю, что в этом отрывке он хочет сказать лишь следующее: все сказанное им – первые начатки Евангелия, именно так их обучали с самого начала. У верующих нет причин бежать от сказанного, как от чего-то необычного, ибо уже прежде они должны были впитать это в себя. Ясно, что относительное местоимение помещено здесь в качестве указания на причину. Итак, апостол называет заповедь *древней* не потому, что она была дана отцам много столетий ранее, но потому, что верующих научили ей тут же, с самого принятия христианской религии. И это весьма способствует удостоверению веры. Ведь читатели должны сделать вывод, что преуспевание происходит от Того же Христа, от Которого они и приняли Евангелие.

Заповедь древняя есть. Вероятно, что в этом месте слово «древняя» имеет более широкое значение. Ибо имеется более полное утверждение, когда апостол говорит: «слово, которое вы слышали от начала, есть древняя заповедь». И (на мой взгляд) он имеет в виду, что Евангелие не следует принимать как недавно появившееся учение, но как учение, исшедшее от Бога и являвшееся Его вечной истиной. Апостол как бы говорит: вы не должны измерять древность Евангелия давностью времени его вознесения. Ведь в нем вам была явлена вечная воля Божия. Итак, Бог передал вам это правило благочестивой жизни не только в тот момент, когда вы впервые пришли к вере Христовой. То же самое правило всегда оставалось для Него неизменным и удобным. Действительно, лишь та древность должна почитаться и заслуживать веры, которая ведет происхождение от Бога. Ибо людские вымыслы, сколь бы долго ни практиковались, не обладают таким авторитетом, чтобы победить божественную истину.

8) *Но притом и новую заповедь.* Мне кажется, что толкователи не поняли мысль апостола. Ибо он называет новым то, что Бог ежедневно внушает нам и как бы обновляет, дабы верующие упражняли себя в этом всю жизнь. Ведь для них нет ничего более желаемого. И те начатки, которым они научились во младенчестве, затем уступают место более возвышенному и твердому учению. Однако Иоанн отрицает, что к этому роду относится уже старое учение о любви к братьям. Оно процветает постоянно, в не меньшей степени являясь конечным совершенством, нежели школой новичка.

Далее, сказанное необходимо было добавить, поскольку люди любопытны более, чем должно, и добрая их часть всегда желает чего-то нового. Отсюда рождается отвращение к простому учению, порождающее бесчисленные и чудовищные заблуждения, когда каждый страстно влечется ко все новым тайнам. Там же, где твердо постановлено: Господь продолжает говорить в том же духе и удерживает нас всю жизнь в том, чему мы раз научились, — на подобное любопытство набрасывается узда. Значит, тот, кто желает достичь мудрости, касающейся правильного проведения жизни, пусть продолжает преуспевать в любви.

Что есть истина. Довод, доказывающий сказанное ранее. Ибо на этой одной заповеди любви, относящейся к обустройству жизни, основана вся истина Христова. Но тогда какого другого большего откровения можно ожидать? Ведь Христос несомненно есть конец и завершение всего. Посему слово «истина» использовано для того, чтобы верующие считали ее конечной целью. Она понимается здесь как завершение, как абсолютная цель. И к верующим апостол присоединяет Христа как Главу к своим членам. Он как бы говорит, что тело Церкви не имеет иного совершенства, или же, что они будут прочно соединены с Христом лишь тогда, когда между ними будет процветать святая любовь. Другие толкователи понимают иначе: то, что есть истина во Христе, является истиной и в вас. Но я не вижу, к чему бы это было нужно говорить.

Потому что тьма проходит. Настоящее время использовано здесь вместо прошедшего. Апостол имеет в виду, что как только нам воссиял Христос, у нас уже есть свет полного понимания. Не в том смысле, что каждый верующий в первый же день думает так, как положено (ведь и Павел свидетельствует, что старается достичь еще не достигнутого (Фил.3:12)), но в том, что одного лишь познания Христа достаточно для рассеивания тьмы. Значит, необходимо ежедневно продвигаться вперед. И вера каждого имеет свой рассвет прежде достижения полудня. Но поскольку Бог продолжает внушать то же самое учение, в котором велит нам преуспевать, познание Евангелия заслуженно зовется истинным светом, в котором нам сияет Христос — солнце праведности. Так заграждаются дерзкие уста людей, пытающихся исказить чистоту Евангелия своими домыслами. И можно спокойно предать анафеме все богословие папы, полностью затемняющее истинный свет.

9) *Кто говорит, что он во свете.* Апостол продолжает развивать свою метафору. Ранее он сказал, что любовь есть единственное правило, по которому надо строить жизнь. Сказал, что этот закон нам предписывается в Евангелии. Сказал, что там нам сияет как бы полдневный свет, созерцанием которого всегда должен быть поглощен наш взор. Теперь же, наоборот, он заключает, что слепы и блуждают в потемках все, кто чужд любви. И то, что вначале он говорил о любви к Богу, теперь же говорит о любви к братьям, содержит не больше противоречия, чем имеется между следствием и причиной. Кроме того, эти два вида любви переплетены настолько, что невозможно отделить их друг от друга.

Потом, в третьей главе, Иоанн скажет, что мы лживо хвалимся любовью к Богу, если не любим ближних. И это истинно так. Теперь же любовь к ближним апостол использует в качестве свидетельства, доказывающего, что мы любим Бога. В итоге: поскольку любовь взирает на Бога так, что видит в Нем и людей, нет ничего глупого в том, что, рассуждая о любви, апостол не проводит различия и относит ее то к Богу, то к братьям. Таково обычное словоупотребление Писания. Оно часто помещает все совершенство жизни в любви к Богу. И, наоборот, Павел учит, что любящий ближнего исполнил весь закон (Рим.13:8). Христос же возвещает, что главное в законе — справедливость, суд и истина (Мф.23:23). Оба утверждения верны и наилучшим образом друг с другом согласуются. Ведь любовь к Богу научает нас любить людей. И мы на деле показываем свое почтение к Богу, проявляя по Его заповеди любовь к людям. Как бы то ни было, пусть всегда пребывает неизменным положение: любовь — это цель, с которой надо соотносить свою жизнь. И это надо отметить тем более прилежно, что все предпочитают исполнять что угодно, только не эту единственную заповедь Божию. Сюда же относится и следующая фраза: *и нет соблазна* там, где проявляется усердие к любви. Ведь обустроивающий так свою жизнь никогда ни в чем не преткнется.

11) *А кто ненавидит брата своего.* С другой стороны, тот же апостол учит: какой бы великий образец добродетели ты ни являл, там, где нет любви, все является порочным. Сравните это место с 13-й главой Первого Послания к Коринфянам, и оно не будет нуждаться в пространным истолковании. Однако учение это потому не понятно для мира, что значительная часть последнего одурманена незнамо какой мишурой. Ложная святость вызывает почти всеобщее восхищение, а любовью пренебрегают или, по крайней мере, ставят ее на последнее место.

12. Пишу вам, дети, потому что прощены вам грехи ради имени Его. 13. Пишу вам, отцы, потому что вы познали Сущего от начала. Пишу вам, юноши, потому что вы победили лукавого. Пишу вам, отроки, потому что вы познали Отца. 14. Я написал вам, отцы, потому что вы познали Безначального. Я написал вам, юноши, потому что вы сильны, и слово Божие пребывает в вас, и вы победили лукавого.

(12. Пишу вам, дети, потому что прощены вам грехи ради имени Его. 13. Пишу вам, отцы, потому что вы познали Сущего от начала. Пишу вам, юноши, потому что вы победили злого. 14. Пишу вам, отроки, потому что вы познали Отца. Я написал вам, отцы, потому что вы познали Сущего от начала. Я написал вам, юноши, потому что вы сильны, и слово Божие пребывает в вас, и вы победили злого.)

12) *Дети.* Обращение это также является всеобщим. Ибо апостол обращается не только к людям детского возраста. Под детьми он имеет в виду людей всех возрастов, подобно тому, как говорит в первой и (немного ниже) в этой же главах. Я говорю об этом потому, что переводчики неудачно относят сказанное к отрокам. Но Иоанн, обращаясь к отрокам, называет их *παιῖδα*, словом, подобающим их возрасту. Здесь же в качестве духовного отца апостол зовет *τεκνία* не только детей, но и старцев. Затем он тут же адресует особые увещевания каждому возрасту в отдельности. Но ошибаются те, кто начинает именно с этого предложения. Скорее, наоборот, дабы предыдущее увещевание не затемнило учение о незаслуженном отпущении грехов, он снова повторяет его, как учение неотъемлемо присущее вере. Так что всегда должно пребывать неизблемым основание: спасение наше заключается в одной лишь благодати Христовой. Да, надо настаивать на святости жизни, усердно заповедовать о страхе Божиим, решительно побуждать людей к покаянию, расхваливать обновление жизни и его плоды, — но всегда надо остерегаться опасности затуманить учение о вере, представляющее Христа единственным автором спасения и всех благ. Скорее, напротив, следует придерживаться правила всегда ставить веру на первое место. И апостол предписывает нам его, поскольку, усердно проповедуя о добрых делах, тем не менее, не забывает снова отослать нас к благодати Христовой, дабы не казалось, будто он приписывает делам большего положенного.

Прощены вам грехи ваши. Без такого упования будет лишь зыбкая и призрачная видимость благочестия. Больше того, те, кто, отложив в сторону, незаслуженное отпущение грехов, настаивают на других частях учения, пытаются построить дом без фундамента. Между тем, Иоанн хочет сказать: нет ничего более побуждающего людей бояться Бога, нежели правильное наставление в том, какие блага им принес Христос. Подобно тому, как Павел (Фил.1:8) заклинает верующих благоутробием Божиим. Отсюда явствует, сколь отвратительна клевета папистов, жалующихся, что усердие к добрым делам охладевает, если превозносится то, что единственно делает людей послушными Богу. Ибо апостол черпает повод для увещевания в нашем знании о том, что Бог милостив к нам и не вменяет нам наших грехов.

Ради имени Его. Здесь указывается на материальную причину отпущения, дабы мы не искали другие средства примирения с Богом. Ибо вера в то, что Бог прощает нам грехи, будет недостаточной, если мы не обратимся ко Христу и не осознаем цену, которую Он отдал за нас на кресте. И это следует тщательно отметить, поскольку, как мы видим, хитрость сатаны и людские измышления пытаются загородить нам этот путь. Люди стараются умиловить Бога различными сатисфакциями, изобретают бесчисленные виды спасающих их умиловлений. Ибо, сколько средств мы навязываем Богу для того, чтобы заслужить Его милость, столько же препятствий ставим для Его прихода к нам. Посему Иоанн, не довольствуясь простым учением о том, что Бог отпускает нам грехи, особо добавляет — исключая тем самым все другие основания, — что Бог милостив к нам ради Христа. И мы, дабы воспользоваться этим благодеянием, должны отбросить и забыть все другие имена, принимая одно лишь имя Христово.

13) *Пишу вам, отцы.* Теперь апостол переходит к перечислению разных возрастов, чтобы показать, что каждому из них подобает нечто свое. Ибо общее воззвание порой мало затрагивает людей. Больше того, наша порочность такова, что многие думают, будто к ним не относится адресуемое всем. Старики, как правило, исключают себя из числа адресатов, словно уже вышли из возраста учеников. Отроки отказываются слушать, потому что, как они думают, еще его не достигли. Люди же среднего возраста не принимают сказанное к сердцу, поскольку заняты другими делами. Значит, дабы никто не исключал себя из числа слушателей, апостол приспособливает Евангелие к потребностям каждого. Он ведет речь о трех возрастах, на которые обычно делят человеческую жизнь. Отсюда знаменитый хор лакедемонцев имел три партии, первая из которых пела: кем являетесь, теми будем. Последняя исполняла: кем являетесь, теми были. А средняя: являемся теми, кем были одни, и будут другие. На эти три ступени Иоанн и разделяет человеческую жизнь.

Он начинает со старцев и говорит, что Евангелие подходит им, поскольку из него они познают вечного Сына Божия. Ворчливость старцев вполне известна. Они становятся необучаемыми, особенно оттого что мера-

ют мудрость долгою лет. Между тем, Гораций в трактате «О поэтическом искусстве»³ отмечает в них и тот порок, что, расхваливая времена собственной юности, они отвергают все, что говорится или делается сейчас. И апостол благоразумно врачует этот порок, говоря, что в Евангелии содержится не только древнее знание, но и то, которое ведет нас назад к самой божественной вечности. Отсюда следует: в Евангелии нет ничего, что вызывало бы у них неприязнь. Слова же о том, что Христос был *от начала*, я отношу как к Его божественному присутствию, в котором Он советен Отцу, так и к Его силе, о которой Павел повествует в Послании к Евреям (13:8): Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же, – как бы говоря: если вам нравится древность, у вас есть Христос, превосходящий Своей древностью всех. Посему вам не должно быть стыдно стать учениками Того, Кто заключает в Себе все века. Между тем, следует отметить, какая именно религия воистину является древней. Та, которая основана на Иисусе Христе. Иначе, сколь угодно длинная череда лет будет значить мало, ведя начало от заблуждения.

Пишу вам, юноши. Хотя апостол пользуется уменьшительным словом, *νεανίσκοι*, нет сомнения, что он обращается ко всем людям и зрелого и цветущего возрастов. Мы знаем, что этот возраст настолько погружен в пустые мирские заботы, что мало помышляет о Царствии Божию. Этих людей как будто пьянят сила ума и крепость тела. Посему апостол учит их тому, в чем именно заключается истинная сила, дабы в дальнейшем они не радовались, как прежде, собственной плоти. Вы, – говорит Иоанн, – «сильны, потому что победили Сатану». Союз «потому что» несет здесь значение причины. Действительно, это и есть крепость, которую подобает желать, а именно: крепость духовная. Одновременно апостол, упоминая блага, которые мы черпаем из Евангелия, указывает, что ее можно получить только от Христа. Он говорит, что дьявола победили те, кто еще продолжает вести бой. Но наше положение отличается от положения тех, кто воюет под знаменами людей. Ибо сомнительна сила их Марса и двусмыслен исход войны. Мы же, прежде чем сойдемся с неприятелем, уже являемся победителями, поскольку Наша Глава Христос однажды уже победил мир.

14) *Пишу вам, отроки.* Отроки нуждаются в управлении со стороны других. И апостол заключает, что отрокам Евангелие подходит потому, что в нем они обретают Отца. Теперь мы видим, сколь дьявольской является тирания папы, которая угрозами удерживает от евангельского учения людей всех возрастов, несмотря на то, что Дух Божий усердно приглашает их. Впрочем, увещания, распределенные апостолом по разным возрастам, являются также всеобщими. Ведь мы полностью увязнем в суете, если наша немощь не будет опираться на вечную истину Божию. Нет ничего более зыбкого и непрочного, чем мы сами, если в нас не будет обитать сила Христова. Мы все сироты, доколе Евангелие не приведет нас к благодати усыновления. Итак, адресованное юношам подходит здесь и старцам, но апостол хотел приспособить к каждому возрасту то, что для него более всего необходимо, дабы показать, что все без исключения нуждаются в евангельском учении. Союз *ὅτι* можно истолковать двояко. Но приведенный мною смысл лучше всего подходит к контексту.

Я написал вам. Думаю, что эти повторения здесь излишни. Вероятно, неопытные переписчики, думая, будто апостол дважды обращается к отрокам, необдуманно вставили другие два предложения. Хотя, возможно, что сам Иоанн вторично вставил предложение о юношах ради усиления смысла (ибо здесь он добавляет, что они сильны, о чем не говорил прежде), а переписчики по неразумию дописали два остальных предложения.

15. *Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей.* 16. *Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего.* 17. *И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек.*

(15. *Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей.* 16. *Ибо все, что в мире (а именно: похоть плоти, похоть очей и гордость жизни) не есть от Отца, но от мира.* 17. *И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек.*)

15) *Не любите мира.* Прежде апостол говорил, что любовь к Богу – единственное правило благочестивой жизни. Но, поскольку мы, поглощенные суетной любовью к миру, все свои чувства обращаем к чему-то иному, прежде воцарения любви к Богу в нас надлежит искоренить эту суетность. Доколе душа не будет очищена, предыдущую проповедь можно безуспешно повторять сотню раз. Так же точно, выливая воду на шар, вы не соберете ни одной капли, поскольку в нем нет пустоты, в которой удерживалась бы влага.

Под миром разумею здесь все, относящееся к настоящей жизни и отделяющее от Царства Божия и надежды на вечную жизнь. Так мир включает в себя всякого рода порочность и бездну всяческих зол. В мире имеются похоти, удовольствия и все искушения, завлекающие человека, дабы увести его от Бога. Далее, любовь к миру осуждается столь сурово, поскольку, взирая лишь на землю, мы с необходимостью забываем о Боге и о самих себе. Там же, где господствует подобная превратная любовь, удерживая людей столь прочно, что они не думают о небесной жизни, присутствует полное забвение блаженства.

Кто любит мир. Доводом от противного апостол доказывает, сколь необходимо отбросить любовь к миру, если мы хотим угождать Богу. То же самое он впоследствии подтверждает доводом от сравнения противоположностей. Ведь то, что присуще этому миру, находится в противоречии с Богом. Надо придерживаться

³ Смотри, взглянет ли, с.173 и далее.

сказанного мною ранее: здесь говорится о мирском образе жизни, не имеющем ничего общего с Царством Божиим. Когда люди вырождаются настолько, что, довольствуясь настоящей жизнью, думают о бессмертии не больше бессловесных скотов. Значит, всякий, порабащивающий себя земным вожделением, не может принадлежать Богу.

16) *Похоть плоти*. Древний переводчик передает иначе, делая из одного предложения два. Лучше поступают греки, читающие все в одном контексте: все, что от мира, не происходит от Бога, – и вставляют три вида похоти, не прерывая речи. Ибо Иоанн вставляет эти три примера ради пояснения, дабы вкратце показать, чем заняты и о чем помышляют живущие в согласии с миром. Далее, не столь уж важно, является ли это перечисление полным или нет. Хотя нельзя найти мирского человека, в котором не царили бы эти похоти или, по крайней мере, одна из них. Теперь нам остается понять, что апостол разумеет под каждой отдельной похотью.

Первое положение обычно относят ко всем порочным вожделениям, поскольку плоть означает всю испорченную человеческую природу. Я же, не желая здесь спорить, все же должен сказать, что мне больше нравится другой смысл. Когда Павел запрещает верующим (Рим. 13:14) превращать в похоти попечения о плоти, он кажется мне лучшим истолкователем данного места. Что у него означает плоть? Тело и все к нему прилегающее. Итак, что же такое похоть плоти, как не тот случай, когда земные люди, желающие жить изнеженно и утонченно, думают только о своем удобстве? От Цицерона и других известно троякое различие, проводимое Эпикуром между похотями. Одни он делает естественными и необходимыми, другие – естественными, но не необходимыми, третьи – не естественными и не необходимыми. Но Иоанн, коем была известна *ἁταξία* человеческого сердца, спокойно осуждает похоть плоти, поскольку она всегда стремится к несдержанности и не хранит золотой середины. Затем апостол переходит к более тяжким порокам.

Под *похотью очей* (на мой взгляд) он имеет в виду как похотливые взоры, так и суету помпезности, внешнего блеска.

На последнем месте идет *гордость* или гордыня, с которой соединено самомнение, хвастовство, презрение к другим, слепая любовь к себе, дерзкое самоупование.

Итог таков: как только мир предлагает нам себя, наши желания, словно необузданные животные, несутся к нему из-за порочности нашего же сердца. Так в нас господствуют разные похоти, которые все враждебны Богу. Слово «жизнь» в греческом тексте передано словом *βίος*, что означает манера или образ жизни.

И мир проходит. Поскольку в мире все зыбко и преходяще, апостол заключает отсюда, сколь плохо и несчастно пекутся о себе те, кто полагает в нем свое счастье. Особенно, поскольку Бог призывает нас к блаженной славе вечной жизни. Апостол как бы говорит: истинное счастье, которое Бог предлагает своим детям, является вечным. Следовательно, нам не подобает привязываться к миру, который вскоре исчезнет вместе со своими благами. *Похоть* я понимаю здесь метонимически: все, что вожделееется и привлекает к себе желания людей. Смысл таков: все, считаемое в мире желанным и драгоценным, не что иное, как призрачная видимость счастья.

Говоря же, что исполняющие волю Божию пребывают вовек, апостол имеет в виду вечное блаженство тех, кто стремится к Богу. Если же кто возразит, что никто не исполняет заповеданного Богом, ответ готов: здесь идет речь не о совершенном соблюдении закона, но о послушании вере, которое, каким бы ни было несовершенным, все же нравится Богу. Воля Божия впервые была явлена нам в законе, но, поскольку никто не исполняет этот закон, от него нельзя ожидать никакого счастья. Однако наше отчаяние Христос излечивает новым средством. Он не только возрождает нас Своим Духом, дабы мы повиновались Богу, но и делает так, что любое наше усилие получает похвалу наивысшей праведности.

18. *Дети! последнее время. И как вы слышали, что придет антихрист, и теперь появилось много антихристов, то мы и познаем из того, что последнее время. 19. Они вышли от нас, но не были наши: ибо если бы они были наши, то остались бы с нами; но они вышли, и чрез то открылось, что не все наши.*

(18. *Дети! Настал последний час. И как вы слышали, что придет Антихрист, и теперь появилось много антихристов, то мы и познаем из того, что последний час. 19. Они вышли от нас, но не были из нас: ибо если бы они были из нас, то остались бы с нами; но дабы открылись, что не все наши.*)

18) *Последнее время*. Апостол укрепляет верующих против всех соблазнов, которые могли бы их смутить. Уже появились разные секты, отделившиеся от единства веры и разрушавшие церкви. Апостол же не только укрепляет верующих, дабы те не колебались, но и обращает все случившееся к своей цели. Он учит их, что уже настало последнее время, и поэтому увещевает к большей бдительности. Апостол как бы говорит: когда появляются разные заблуждения, вам тем более надлежит бодрствовать, а не падать духом. Ибо отсюда следует заключить, что Христос уже близко. Значит, мы должны быть усердными в Его ожидании, дабы Он не застал нас врасплох. Таким же образом нам и сегодня надлежит пробуждаться от дремы, принимая верою скорое пришествие Христова, когда сатана взбаламутит весь мир ради соблазна Церкви. Ибо все это – признаки последнего времени.

Однако множество веков, прошедших со дня смерти Иоанна, кажется, представляют это пророчество ошибочным. Отвечаю: апостол по обычаю Писания возвещает верующим, что ничто уже не мешает Христу явиться для искупления мира. Поскольку же он не указывает точное время, то не питает людей своего века ложной надеждой. Он также не хочет отрицать будущее существование Церкви, череду многих лет, через которую Церковь дожила до нашего времени. Действительно, если подумать о вечности Царства Божия, нет такого долго времени, которое не показалось бы нам коротким мигом. Следует иметь в виду намерение апостола: последним временем он зовет эпоху, в которой все получит свое завершение. И ничто не останется не исполненным, кроме последнего явления Христова.

Вы слышали, что придет Антихрист. Апостол говорит об этом, как о чем-то известном. Отсюда легко заключить, что верующие с самого начала были научены и осведомлены о будущем рассеянии Церкви как для того, чтобы усердно остерегаться подозрительной веры, так и с целью внушить эту предосторожность потомкам. Ибо Бог восхотел искусить таким образом Свою Церковь, дабы никто не впал в заблуждение неосознанно и против собственной воли, и для неведения не осталось никаких извинений.

Однако мы видим, как почти весь мир несчастным образом обманывается, словно об Антихристе никогда не говорилось. Больше того, в пастве нет более знаменитого и известного вероучения, чем о будущем приходе Антихриста. Между тем, паписты столь глупы, что не чувствуют, как тирания его уже отягощает их выю. С ними происходит точно то же, что и с иудеями. Ибо, веруя в обетования о Мессии, они, тем не менее, находят от Христа дальше, чем если бы совсем о Нем не слышали. Ведь воображаемый Мессия, которого они себе измыслили, совершенно отвращает их от истинного Сына Божия. И тот, кто старается показать им Христа из закона и пророков, лишь напрасно тратит свое время. Паписты же вообразили Антихриста, который будет мучить Церковь три с половиной года. Все признаки, коими Дух Божий наделяет Антихриста, ясно различимы в папе, но умы глупых папистов занимает другой трехгодичный Антихрист, так что они и, видя, не могут узреть. Итак, будем помнить: Дух Божий указывает нам не только на Антихриста, но и на те признаки, с помощью которых его можно распознать.

И теперь появились много. Может показаться, что это добавлено в качестве поправки, словно верующие ложно думали о каком-то одном царстве Антихриста. Однако это не так. Те, кто воображал себе только одного человека, действительно заблуждались. Ибо Павел, упоминая о грядущем отступлении (2Фес.2:3), ясно свидетельствует, что у Антихриста будет какое-то конкретное царство. Вначале он предсказывает отступление, распространяющееся на всю Церковь, дабы стать неким вселенским злом. Затем, главу этого отступления апостол именует противником Христовым, который воссядет в храме Божием, присваивая себе божеские имена и почести. И если мы не хотим сознательно заблуждаться, то научимся распознавать Антихриста из этих апостольских слов. В своем месте я дал подробное их истолкование, так что теперь считаю достаточным лишь краткое упоминание.

Но как же согласуется с ними Иоанн, говорящий о многих антихристах? Отвечаю: Иоанн хочет лишь указать на возникновение особых сект, служащих прелюдией будущего рассеяния. Ибо Керинф, Василид, Маркион, Валентин, Эбион, Арий и прочие были членами того царства, которое дьявол впоследствии воздвиг против Христа. В собственном смысле слова Антихрист тогда еще не возник, но уже осуществлял втихомолку тайну своего нечестия. Однако Иоанн использует его имя, дабы еще больше обострить усердие благочестивых к отвержению его лжи. И если Дух Божий заповедовал верующим бдительность еще тогда, когда они видели лишь признаки грядущего врага, тем более нельзя пребывать в спячке сейчас, когда Антихрист угнетает Церковь своей тиранией, открыто нападая на Иисуса Христа.

19) *Они вышли от нас.* Апостол упреждает еще одно возражение. Ибо кажется, что сама Церковь породила эту заразу, вскормив ее в своем чреве. Действительно, немощные больше соблазняются тогда, когда отпадает один, раньше исповедовавший с нами истинную веру, нежели когда на нас нападают тысячи чужаков. И апостол признает, что они вышли из чрева Церкви, но отрицает при этом, что они когда-либо были из числа ее членов. Основание данного возражения состоит в том, что Церковь всегда была подвержена этому злу. Она была вынуждена терпеть множество лицемеров, не веровавших истинно во Христа, хотя и исповедовавших некоторое время Его имя. Говоря же: «вышли от нас», — апостол хочет сказать, что прежде они занимали место в Церкви и причислялись к благочестивым. Но он отрицает, что люди, ложно претендовавшие на имя верующих, были из нас, подобно тому, как сорняки, хоть и растут⁴ на одном поле с пшеницей, не могут этой пшеницей считаться.

Если бы они были наши. Апостол открыто говорит, что отпадающие никогда не были членами Церкви. Действительно, печать Божия, с помощью которой Он оберегает Своих, пребывает незыблемой, как говорит Павел (2Тим.2:19). Но здесь возникает трудность. Ибо многие, ранее казавшиеся принявшими Христа, часто впоследствии отпадают. Отвечаю: Евангелие рассказывает о трех разновидностях людей. Есть такие, что притворяются благочестивыми, хотя внутри их обличает недобрая совесть. Других обманывает собственное лицемерие. Они не только пытаются казаться кем-то перед людьми, но и затмевают очи самими себе, думая, что правильно почитают Бога. Третьи же содержат в себе корень веры и несут в сердцах твердое свидетельство

⁴ Находятся

ство собственного усыновления. Первые две разновидности не обладают стойкостью. Иоанн же, утверждая невозможность отпадения от Церкви, говорит о третьей из них. Ибо печать, поставленная Богом с помощью Духа Своего, не может быть изглажена. Нетленное семя, пустившее корень, нельзя ни вырвать, ни уничтожить. Ведь здесь идет речь о постоянстве не человека, но Бога, избрание Которого должно оставаться действенным. Посему апостол справедливо говорит: там, где присутствует действительное призвание Божие, должна иметься и незыблемая стойкость. В итоге, он хочет сказать, что отпадающие никогда истинно не знали Христа, но вкушали Его лишь поверхностно и нетвердо.

И через то открылось. Апостол учит, что это – полезная и необходимая для Церкви проверка. Отсюда, с другой стороны, следует, что для волнения и смущения нет никаких оснований. Поскольку Церковь подобна гумну, то, чтобы оставить чистую пшеницу, надлежит сперва отсеять плевелы. И Бог делает это, выгоняя из Церкви лицемеров. Именно так Он очищает ее от грязи и мусора.

20. Впрочем, вы имеете помазание от Святого и знаете все. 21. Я написал вам не потому, чтобы вы не знали истины, но потому, что вы знаете ее, равно как и то, что всякая ложь не от истины. 22. Кто лжец, если не тот, кто отвергает, что Иисус есть Христос? Это – антихрист, отвергающий Отца и Сына. 23. Всякий, отвергающий Сына, не имеет и Отца; а исповедующий Сына имеет и Отца.

(20. Впрочем, вы имеете помазание от Святого и знаете все. 21. Я написал вам не потому, что вы не знали истины, но потому, что вы знаете ее, равно как и то, что всякая ложь не от истины. 22. Кто лжец, если не тот, кто отвергает, что Иисус есть Христос? Это – антихрист, отвергающий Отца и Сына. 23. Всякий, отвергающий Сына, не имеет и Отца.)

20) Впрочем, вы имеете помазание. Апостол скромно извиняется за то, что столь настойчиво их увещевает. Дабы они не подумали, что он косвенно попрекает их, словно неосведомленных в том, что им надлежало твердо знать. Так и Павел (Рим.1:14) признает за римлянами мудрость, соглашаясь, что они пригодны даже для научения других. Но одновременно показывает, что не может иначе исполнять вверенное ему служение, нежели их увещевая. И апостолы говорят так не из-за лести. Таким образом, они благоразумно стремятся к тому, чтобы учение их никем не отвергалось, возвещая, что оно полезно и прилично не только невеждам, но и тем, кто уже наставлен в Господней школе.

Сам опыт показывает, сколь привередлив людской слух. Подобная капризность не должна быть свойственна благочестивым. Однако добрые и благоразумные пастыри не должны ничего упускать, стараясь добиться внимания со стороны всех. Не подлежит сомнению, что сказанное принимается с меньшим прилежанием и почтением, если мы думаем, будто говорящий отрицает за нами разумение, данное нам от Бога. Эту похвалу апостол адресует читателям еще и для того, чтобы лишить наделенных разумением всяческих оправданий, если они в своем продвижении не будут опережать других.

Итог таков: апостол учит их не как невежд и новичков, но лишь напоминает им то, что они уже знают. Затем он увещевает их раздувать зажженные Духом искорки, дабы из них, наконец, возгорелось пламя. Апостол сам истолковывает себя в последующих словах. Он говорит, что пишет не потому, что они не знают истины, но потому, что они уже в ней наставлены. Ведь, если бы они были совершенными невеждами и новичками, то не могли бы понять этого учения.

Слова же о том, что они знают *все*, надо понимать не во всеобщем смысле, но ограничивать контекстом. Впрочем, говоря, что они «имеют помазание от Святого», апостол, без сомнения, намекает на древние образы. Ибо из святилища выносился елей для помазания священников. И Даниил определяет время пришествия Христова, как время, когда будет помазан Святой Святых (Дан.9:24). Ибо Христос был помазан Отцом для того, чтобы излить на нас многочисленные копии этого помазания. Отсюда следует: что люди правильно мыслят не благодаря остроте собственного разума, а через озарение Духа. Кроме того, мы становимся причастниками Духа только через Христа, истинного святилища и единственного нашего Священника.

21) Всякая ложь. Апостол признает за ними способность к рассуждению, отличающему истинное от ложного. Ибо утверждение, что ложь отличается от истины – не только диалектично (подобно основным правилам, преподаваемым в школах), но и приспособлено к практике и повседневному употреблению. Апостол как бы говорит: они не только придерживаются того, что истинно, но и оснащены против обмана и мошенничества нечестивых, будучи способны благоразумно их остерегаться. Далее, апостол говорит не о каком-то определенном виде лжи, но утверждает, что, какой бы обман ни задумал сатана, с какой бы стороны к ним ни подкрался, они всегда легко отличат свет от тьмы, поскольку ими руководит Дух Божий.

22) Кто лжец? Апостол не утверждает, что единственные лжецы – люди, отрицающий явление во плоти Сына Божия (дабы кто не утруждал себя сверх меры, я решу эту головоломку), но говорит, что таковые превосходят своей лживостью остальных. Апостол как бы говорит: если это не считать обманом, то не останется вовсе никакого обмана. Так в народе обыкновенно говорят: если вероломство против Бога и людей не преступление, то что еще называть преступлением?

И то, что ранее коротко сказал о лжепророках, апостол приспособливает теперь к обстоятельствам своего времени. Он как бы пальцем указывает на тех, кто смущал Церковь во время его жизни. Я охотно соглашусь

с мнением древних, что здесь имеются в виду Керинф и Карпократ. Впрочем, Христа отрицали не только они одни; ибо не достаточно просто признать, что Иисус есть Христос, но должно исповедовать Его таким, каким Отец предлагает Его в Евангелии. Эти двое, о которых я упоминал, давали титул Христа Сыну Божию, но воображали Его простым человеком. Подобно⁵ тому, как другие (например, Арий), украшая Его именем Бога, лишали в то же время вечного божества. Маркион бредил, что Христос – лишь видимость человека. Савеллий выдумал, что Он ничем не отличается от Отца. Все они действительно отрицали Сына Божия. Ведь никто из них не признавал Христа в целокупном виде, но по мере сил искажал Его истину и вместо Христа изготовлял себе какого-то идола. Затем возник Пелагий, не поднимавший споры о сущности Христа и признававший Его истинным Богом и истинным человеком, но полностью переносивший на нас принадлежавшую Христу честь. А отрицать благодать и силу Христову и значит ставить Христа ни во что.

Так и паписты, противопоставляя сегодня свободную волю благодати Святого Духа, помещая часть праведности и спасения в заслугах дел, воображая себе бесчисленных заступников, умиляющих к ним Бога, обладают незнамо каким выдуманным Христом. При этом они искажают живой, подлинный образ Божий, сияющий во Христе, своими превратными измышлениями, ослабляют Его силу, уничтожают и извращают Его служение.

Теперь мы видим: Христа отрицают всякий раз, когда лишают Его того, что принадлежит Ему. Подобно тому, как Христос – конец закона и Евангелия, обладающий заключенными в Себе всеми сокровищами премудрости и разума, так же Он и мишень, в которую еретики направляют свои стрелы. Посему апостол справедливо называет главными мошенниками тех, кто нападает на Христа, в то время как в Нем нам представлена полнота истины.

Это антихрист. Апостол говорит не о начальнике отступления, собирающемся занять престол Божий, но причисляет к сему преступному сборищу всех, кто пытается ниспровергнуть Христа. И, чтобы усилить их вину, утверждает, что не меньше Сына они отрицают и Отца. Апостол как бы говорит: у них больше нет никакой религии, ведь они полностью отвергли Бога. И тут же приводит довод в подтверждение сказанного. Ибо Отца нельзя отделять от Сына.

Это – замечательное утверждение, находящееся в числе первых аксиом нашей веры. Больше того, совершив исповедание единого Бога, мы с необходимостью должны добавить к нему и вторую часть: Богом является лишь Тот, кто познается в лице Иисуса Христа. Апостол не проводит здесь утонченных рассуждений о единстве сущности. Несомненно, что Сына невозможно отделить от Отца, поскольку Он – *ὁμοούσιος*, но сейчас речь идет о другом: о том, что Отец, иначе пребывающий невидимым, являет Себя только в лице Сына. Отсюда Христос и зовется образом Отчим, представляя и показывая нам все, что полезно знать об Отце. Неприкрытое величие Божие непременно ослепит наши очи Своим непомерным сиянием. Поэтому его необходимо созерцать во Христе. В Нем находится доступ ко свету, который иначе заслуженно зовется неприступным.

Снова говорю: здесь нет утонченных рассуждений о вечной Христовой сущности, которая у Него одна и та же с Отцом. Для доказательства сего положения настоящего отрывка, действительно, более чем достаточно. Но Иоанн отсылает нас к практике веры, а именно: поскольку Бог дал нам всего Себя в лице Иисуса Христа, напрасно искать Его где-либо еще. Или же (если кто захочет более ясных пояснений), поскольку во Христе обитает вся полнота божества, вне Него нет ничего присущего Богу. Отсюда следует, что турки, иудеи и им подобные вместо Бога имеют голого идола. Какими бы титулами они ни наделяли Бога, Которому поклоняются, но, отбрасывая Того, без Кого к Богу доступа нет, и в Ком одном Бог надежно Себя являет, что имеют они, кроме порождения или домысла собственного ума? Пусть льстят себе, как хотят, в своих умствованиях те, кто философствует о божественных вещах без Христа. Все равно они всего лишь безумствуют, поскольку не держатся Главы, как учит Павел в Кол.2:19. Отсюда легко вывести, сколь необходимо познание Христа.

Многие кодексы приводят также противоположное утверждение: «Кто же исповедует Сына, и т.д.». Думаю, что это – приписка на полях, сделанная каким-то читателем, и затем прокравшаяся в текст послания. Поэтому я без колебания ее пропустил. Если же кому угодно ее вставить, смысл будет таков: нет иного законного исповедания Бога, кроме того, в котором Отец признается в лице Сына. Если же кто возразит, что многие древние, не знавшие о Христе, тем не менее, правильно думали о Боге, то я соглашусь с тем, что знание о Христе не всегда было столь ясным, как сейчас. Однако я утверждаю, что слова апостола всегда были истинными. Подобно тому, как свет солнца достигает нас посредством лучей, так и познание Бога сообщается нам только через Христа.

24. Итак, что вы слышали от начала, то и да пребывает в вас; если пребудет в вас то, что вы слышали от начала, то и вы пребудете в Сыне и в Отце. 25. Обетование же, которое Он обещал нам, есть жизнь вечная. 26. Это я написал вам об обольщающих вас. 27. Впрочем, помазание, которое вы получили от Него, в вас пребывает, и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас; но как самое сие помазание учит вас всему, и

⁵ Последовали

оно истинно и неложно, то, чему оно научило вас, в том пребывайте. 28. Итак, дети, пребывайте в Нем, чтобы, когда Он явится, иметь нам дерзновение и не постыдиться пред Ним в пришествие Его. 29. Если вы знаете, что Он праведник, знайте и то, что всякий, делающий правду, рожден от Него.

(24. Итак, что вы слышали от начала, то и да пребывает в вас; если пребудет в вас то, что вы слышали от начала, то и вы пребудете в Сыне и в Отце. 25. Сие есть обетование, которое Он обещал нам, а именно, жизнь вечная. 26. Это я написал вам об обольщающих вас. 27. И помазание, которое вы получили от Него, в вас пребывает, и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас; но как сие помазание учит вас всему, и оно – истина, а не ложь. И то, чему оно научило вас, в том пребывайте. 28. Итак, дети, пребывайте в Нем, чтобы, когда Он явится, иметь нам упование и не постыдиться пред Ним в пришествие Его. 29. Если вы знаете, что Он праведник, знайте и то, что всякий, делающий правду, рожден от Него.)

24) *Итак, что вы слышали.* К вышеизложенному учению апостол добавляет ободрение и, дабы усилить его действенность, показывает плод, который верующие получают от послушания. Итак, он воодушевляет их к постоянству в вере, дабы они незыблемо удерживали в сердцах то, чему научились. Далее, когда апостол говорит: «от начала», – не стоит думать, будто для доказательства любого учения достаточно одной лишь его древности. Но, поскольку апостол уже показал, что его слушатели были правильно научены чистому Христову Евангелию, он по праву заключает, что в нем им и следует пребывать. И здесь надо обратить особое внимание на порядок. Ведь, если мы не хотим отходить от однажды принятого нами учения, какое бы оно ни было, речь будет идти не о стойкости, а о превратном упорстве. Поэтому здесь надо проявлять избирательность. Сперва основание нашей веры должно явствовать для нас из Слова Божия, и лишь затем должна следовать негибкая стойкость.

Паписты также претендуют на то, что слышали «от начала», ибо с самого раннего детства вскармливались своими суевериями. Под этим предлогом они позволяют себе надменно отвергать явную истину. И подобное упорство еще раз доказывает нам, что всегда надо начинать с выяснения истинности учения.

Если пребудет в вас. Плод стойкости состоит в том, что те, в ком пребывает истина Божия, и сами пребывают в Боге. Отсюда мы делаем вывод, что именно надо искать во всем учении благочестия. Посему преуспевает в нем должным образом лишь тот, кто достиг состояния полного прилепления к Богу. Тот же, в ком Отец не обитает через Сына, полностью суетен и никчем, каким бы знанием ни обладал. Далее, великая похвала здравому учению состоит в том, что оно соединяет нас с Богом, и в нем мы находим все, относящееся к истинному Им наслаждению Им.

В конце апостол учит, что надежное счастье имеется тогда, когда в нас обитает Бог. Выражение, которым он пользуется, двусмысленно. Или: «сие есть обетование, в котором Он обещал нас вечную жизнь»; или же надо понимать в качестве приложения: «сие есть обетование, которое Он дал нам, а именно: вечная жизнь». Но поскольку, какой бы вариант ни избрать, смысл остается тем же самым, пусть читатель выберет, что хочет. Итог таков: мы будем жить только в том случае, если продолжим до конца лелеять семя жизни, посеянное в нашей душе. Иоанн многословен, преподавая учение о том, что в познании Христовом не только начало блаженной жизни, но и ее совершенство. Однако никакое повторение не может показаться здесь излишним. Ибо известно: причина людской гибели всегда состояла в том, что люди, не довольствуясь Христом, хотели преступить пределы простого евангельского учения.

26) *Это я написал вам.* Апостол снова извиняется, что увещевает тех, кто и так наделен пониманием и рассудительностью. Он делает это для того, чтобы слушатели составили о сказанном духовное суждение, и увещевание его не оказалось напрасным. Апостол как бы говорит: я исполняю свое служение, но, между тем, необходимо, чтобы Дух Божий во всем вами руководил. Ибо я напрасно буду сотрясать ваши уши или, скорее, воздух, звуком своего голоса, если Он не обратится к вам изнутри.

Слыша же о том, что апостол писал об обольщающих, надо обратить внимание на то, что доброму и трудолюбивому пастырю прилежит забота не только собирать овец, но и отгонять волков. Ибо, какая польза распространять повсюду глас Евангелия и одновременно потакать явному мошенничеству сатаны? Значит, добросовестно учить Церковь сможет лишь тот, кто будет сразу восставать на заблуждения, как только увидит, что обольстители сеют их в его стаде. Слова же «помазание, которое вы получили от Него» я отношу ко Христу.

27) *И вы не имеете нужды.* Иоанн (как я сказал ранее) был бы смешон, если бы так долго утруждал себя бесполезными поучениями. Значит, он наделяет слушателей не столь уж большой мудростью и считает их одновременно Христовыми учениками. Он хочет лишь сказать, что они не невежды, и их не следует учить сказанному, как чему-то доселе неизвестному. К тому же апостол не излагает что-либо кроме того, что им охотно внушает Дух Божий. Посему фанатики напрасно хватаются за это свидетельство, дабы изгнать из Церкви внешнее служение Слова. Апостол говорит, что верующие, наученные учительством Духа, уже верят в то, что он преподает. Так что им не нужно учиться этому, как чему-то неизвестному. Он говорит это для того, чтобы усилить авторитет своего учения, поскольку каждый верующий найдет его запечатленным в собственном сердце перстом Божиим. Впрочем, поскольку каждый понимает по мере данной ему веры, –

вера же в одних мала, в других посредственна, но ни в ком не совершенна, — отсюда следует, что никто не знает настолько хорошо, чтобы не нуждаться в дальнейшем обучении.

Вторая польза от учения состоит в том, что даже там, где люди твердо придерживаются должного, мы все же увещаем и побуждаем их для еще большего утверждения в достигнутом. Ибо слова Иоанна о том, что Дух научает их всему, следует понимать не во всеобщем смысле, но ограничивать контекстом настоящего отрывка. В итоге, апостол хочет только укрепить их веру, отсылая ее на экзамен Духа. А Он — единственный пригодный цензор, Он — Тот, Кто одобряет учение, запечатлевая его в наших сердцах, дабы мы твердо знали, что с нами говорит Сам Бог. Поскольку вера должна взирать на одного Бога, только Он может свидетельствовать Сам о Себе и внушать сердцам убеждение в том, что слышимое нашими ушами исходит от Него. Именно это и означают слова: «как сие помазание учит вас всему, и оно — истина». Ибо Дух подобен печати, коей для нас засвидетельствована истина Божия. Добавляя же: «а не ложь», — апостол имеет в виду другое служение Духа, а именно: управлять нашим суждением и различением, дабы мы не обманулись ложью и не оставались колеблющимися и нерешительными, словно речь идет о сомнительных вещах.

Чему оно научило вас, в том пребывайте. Ранее апостол говорил, что в них пребывает Дух, теперь же увещевает их самих пребывать в полученном откровении. Он указывает и на конкретный вид этого откровения: пребывайте во Христе, как вас научил Дух. Знаю, что более принято другое толкование: пребывайте в нем, то есть, в помазании. Однако, поскольку следующий за этим повтор подходит к одному лишь Христу, у меня нет сомнений, что и здесь речь идет о Нем же. Этого же требует контекст отрывка. Ведь апостол настаивает на том, чтобы верующие удерживали чистое знание о Христе и не стремились к Богу какой-то иной дорогой.

Между тем, он ясно показывает: Дух просвещает детей Божиих именно для того, чтобы они познали Христа. И если они не отпадут от этой веры, апостол указывает им на плод стойкости, а именно: они возымеют упование и не постыдятся перед Ним. Ибо вера — не простое и холодное принятие Христа, а живое и действенное ощущение Его силы, порождающее упование. И вера, на которую ежедневно обрушиваются многочисленные бури, устоит только в том случае, если будет взирать на пришествие Христово и, укрепленная Его силой, даст совести состояние спокойствия. Далее, апостол наилучшим образом излагает природу упования, говоря, что из-за него присутствие Христово не вызывает у нас трепета. Ибо те, кто беззаботно потакает себе в пороках, поворачиваются к Богу спиной и находят спокойствие лишь в забвении Бога. Такова отупляющая людей беспечность плоти, так что они, отвратившись от Бога, не ужасаются греха и не боятся смерти, но, между тем, бегут от Христова судилища. Благочестивое же упование успокаивает себя именно воззрением на Бога. Отсюда и выходит так, что благочестивые спокойно ожидают Христа и не страшатся Его вида.

29) *Если вы знаете, что Он праведник.* Апостол снова возвращается к увещаниям, обильно перемешивая их с учением. Многочисленными доводами доказывает он, что вера необходимо соединена со святой и чистой жизнью. Во-первых, мы духовным образом рождаемся в уподобление Христу. Отсюда следует, что от Христа рожден лишь тот, кто живет праведно. Хотя не ясно, подразумевает ли апостол Христа или Бога, говоря, что делающие правду от Него рождены. Несомненно, что в Писании часто встречается выражение: мы рождены от Бога во Христе. Но и во втором варианте нет ничего глупого: от Христа рождаются те, кто обновляется Его же Духом.

Глава 3

1. *Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими. Мир потому не знает нас, что не познал Его. 2. Возлюбленные! мы теперь дети Божи; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть. 3. И всякий, имеющий сию надежду на Него, очищает себя, так-как Он чист.*

(1. *Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться детьми Божиими. Мир потому не знает нас, что не познал Его. 2. Возлюбленные! Да будем теперь детьми Божи; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть. 3. И всякий, имеющий сию надежду на Него, очищает себя так, как Он чист.*)

1) *Смотрите.* Второй довод основан на достоинстве и преимуществе нашего призвания. Не обычной чести, — говорит апостол, — удостоил нас Небесный Отец, когда соделал Своими детьми. И столь великая благодать должна воспламенять в нас усердие к чистоте, дабы стать подобными Ему. И не может быть, чтобы признающий себя одним из детей Божиих себя не очищал. И дабы увещание это имело большую силу, апостол усиливает благодать Божию. Говоря же, что «нам дана любовь», он хочет сказать, что усыновление Божие исходит из Его же простой милости. Ибо откуда у нас такое достоинство, если не от любви Божией? А любовь здесь провозглашается полностью незаслуженной. Апостол выражается метафорически, но он предпослал этот косвенный способ выражения, дабы высказать то, что необходимо нам знать. В итоге, Иоанн имеет в виду, что чем больше излилась на нас благодать Божия, тем более мы обязаны Богу. Подобно этому и Павел закликает римлян милосердием Божиим, чтобы они представили себя Богу в чистую жертву

(Рим.12:1). Между тем, нас учат, что усыновление всех благочестивых незаслуженно и не основано на каких-либо делах.

То же, что говорят софисты, будто Бог усыновляет лишь тех, кого предвидит достойными, ясно опровергается словами апостола. Ведь в таком случае дар не был бы незаслуженным. И верить в этот артикул учения в наивысшей степени полезно. Поскольку усыновление – единственная причина нашего спасения, а апостол свидетельствует, что оно проистекает только из любви Божией, ничего не остается для нашего достоинства и для заслуг наших дел. Почему мы являемся детьми Божиими? Потому что Бог даром нас полюбил. Хотя мы скорее были достойны ненависти, а не любви. Поскольку же Дух есть залог нашего усыновления, отсюда следует, что, если в нас и есть что-то хорошее, его надо не противопоставлять благодати Божией, а, напротив, ей приписывать.

Звание детей, о котором говорит апостол, не может быть пустым титулом. Ибо зовущий нас Своими детьми есть Сам Бог. Подобно тому, как Он же дал Аврааму новое имя, отвечавшее его реальному положению.

Мир потому. Вот искушение, жестоко нападающее на нашу веру. Мы настолько не числимся в детях Божиих, настолько не имеем никаких признаков подобного превосходства, что, скорее наоборот, являемся пошлостью для всего мира. Выходит, из нашего настоящего состояния нельзя заключить, что Бог – наш Отец. И дьявол идет на все, чтобы затуманить это благословение Божие. Апостол же устраняет этот соблазн, говоря, что сегодня еще не открылось, какие мы, поскольку сам мир не знает Бога. Посему не удивительно, если мир также презирает и Божиих детей. Яркий пример сказанного мы видели в Исааке и Иакове. Хотя и тот, и другой были избраны Богом, одного из них преследует Измаил насмешками и наговорами, а другого – Исав угрозами и мечом. Поэтому, какими бы угнетенными мы ни казались в этом мире, спасение наше, тем не менее, остается незыблемым и неповрежденным.

2) *Мы теперь дети Божии.* Теперь апостол переходит к собственным ощущениям каждого верующего. Хотя нечестивые и не понуждают нас отвергнуть надежду, все же наше настоящее состояние весьма отличается от славы детей Божиих. Что касается тела, мы – прах и тень. Смерть всегда вертится у нас перед глазами. Между тем, мы подвержены тысячам скорбей, наши души тягостятся бесчисленными злоключениями, так что мы всегда обнаруживаем в себе ад. Тем более необходимо отвлечь все наши чувства от настоящего состояния дел, дабы беды, обступающие нас со всех сторон, не угасили упование на еще сокрытое от нас счастье. Ибо мысль апостола в том, что мы поступим весьма дурно, если будем оценивать дары Божии по нашему настоящему положению. Напротив, надо с твердым убеждением верить в то, что еще не полностью открылось.

Знаем только, что, когда откроется. Надо понимать, что это условие относится ко времени: «где» или «когда». Далее, глагол «откроется» понимается в ином смысле, нежели прежде. Недавно апостол говорил, что еще не открылось, чем мы будем, что плод нашего усыновления еще сокрыт, поскольку счастье наше заключено на небесах, а мы странствуем вдалеке от него на земле, поскольку эта тленная жизнь, постоянно подверженная сотне видов смерти, весьма отличается от вечной славы, подобающей детям Божиим, поскольку, заключенные подобно рабам в сосуд нашей плоти, мы далеко отстоим от полного господства над небом и землею. Теперь же фразу «когда откроется» апостол относит ко Христу. Тому же самому учит и Павел в Кол.3:3, говоря: жизнь ваша сокрыта со Христом. Когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе. Ибо вера наша устоит лишь в том случае, если будет взирать на грядущее пришествие Христово. Вот причина, по которой Бог откладывает явление нашей славы. Ведь Христос еще не явился в силе Собственного Царствия. Вот одно из оснований для поддержания нашей веры: терпеливо ожидать обещанную нам жизнь. Но, как только кто-то хоть немного отойдет от Христа, он с необходимостью падет духом.

Глагол «знать» означает здесь убежденность веры, отличающую ее от простого мнения. Речь идет не о простом или общем знании, но о том, которое каждый должен приспособить лично к себе, дабы твердо увериться в своем грядущем уподоблении Иисусу Христу. Значит, как бы ни откладывалось явление нашей славы до второго пришествия Христова, знание об этой славе обосновано наилучшим образом.

Подобны. Апостол не имеет в виду равенства. Ведь между Главою и членами надлежит быть некоему различию. Но мы будем подобны Ему, поскольку наше смиренное тело Христос сделает сообразным Собственному прославленному телу, как учит Павел в Фил.3:21. И апостол хотел кратко показать, что конечная цель нашего усыновления в том, чтобы слава, сперва проявившаяся во Христе, исполнилась, в конце концов, и в нас. Но кажется, что приводимый апостолом довод весьма шаток. Ведь если лицемерие Христа сделает нас Ему подобными, у нечестивых будет общая с нами слава. Ибо они также увидят Христа. Отвечаю: речь идет о близком лицемерии, которого нечестивые не могут вынести без трепета. Больше того, они не только будут избегать и ужасаться лицемерия Бога; вдобавок к этому, слава Его затмит им очи, и они оцепенеют в собственном посрамлении. Мы знаем, что Адам, осознав за собою зло, испугался присутствия Божия. И Бог у Моисея ведет речь обо всех людях, говоря (Исх.33:20): человек не может увидеть Меня и остаться в живых. Ибо божественное величие, подобно поядающему огню, непременно истребит нас, как сухую солому. Таково бессилие нашей плоти. Постольку же, поскольку в нас обновляется образ Божий, у нас появляются

очи, приспособленные к лицемерию Бога. Бог уже начал восстанавливать в нас Свой образ. Но сколь малой его частью мы пока обладаем! Значит, мы не сможем созерцать Бога лицом к лицу, если не совлечемся всякого плотского тления.

Эта мысль также выражена во фразе «как Он (для нас) есть». Ибо и сегодня апостол не полностью лишает нас лицемерия Бога. Но в соответствии с учением Павла (1Кор.13:12), теперь мы видим лишь как бы в зеркале, гадательно. И этот способ жития он в другом месте отличает от непосредственного видения. В итоге: Бог предлагает нам Себя для лицемерия не таким, какой Он есть, но таким, каким мы Его способны постигнуть. Так исполняется сказанное у Моисея: мы видим Бога как бы со спины, поскольку лицо Его сияет непомерным блеском (Исх.33:23).

Кроме того, следует отметить, что приведенный апостолом довод основан на следствии, а не на причине. Ибо он не учит, что мы уподобимся Богу потому, что будем наслаждаться Его лицемерием, но доказывает нашу причастность божественной славе, исходя из того, что природа никогда не приступит к Богу столь близко, если не станет духовной, наделенной небесным и блаженным бессмертием. Однако же в нас нет такого совершенства славы, чтобы обнять лицемерием всего Бога. Ибо и тогда между Ним и нами будет большое различие. Но поскольку апостол говорит, что мы увидим Его, как Он есть, то он описывает, тем самым, новый неизреченный способ видения, которого ныне у нас нет. Ибо, покуда мы ходим верою, мы, по учению Павла, странствуем вдали от Бога (2Кор.5:6). И всякий раз, как Бог предлагал Себя отцам для лицемерия, Он был видим ими не в Собственной сущности, а в определенных символах. Значит сокрытое сейчас величие Божие станет видимым в себе лишь тогда, когда сорвется покрывало смертной и тленной природы.

От прочих утонченных умствований я воздержусь. Ибо мы знаем, сколь сильно утруждал себя ими Августин. Однако он так и не приходит к определенному выводу ни в послании к Паулину и Фортунатиану, ни в книге «О граде Божием», гл. 22, ни в других своих сочинениях. То же, что он там говорит, стоит отметить: в данном исследовании наш образ жизни значит больше, чем манера речи. И надо остерегаться, как бы мы, доискиваясь до того, как можно увидеть Бога, не потеряли в спорах мир и святость, без которой никто Его не увидит.

3) *Всякий, имеющий сию надежду.* Апостол заключает, что усердие к святости не должно ослабевать в нас по причине того, что счастье наше еще не настало. Ведь для него достаточно одной надежды. Далее, мы знаем, что надеются на нечто еще сокрытое. Значит, смысл таков: хотя Христос еще не явлен нашему взору, если мы надеемся на Него, надежда эта непременно побудит нас к очищению. Ведь она прямо направляет нас ко Христу, о Котором мы знаем, что Он – совершенный пример всяческой чистоты.

4. *Всякий делающий грех, делает и беззаконие; и грех есть беззаконие. 5. И вы знаете, что Он явился для того, чтобы взять грехи наши, и что в Нем нет греха. 6. Всякий, пребывающий в Нем, не согрешает; всякий согрешающий не видел Его и не познал Его.*

(4. *Всякий делающий грех, делает и беззаконие; и грех есть беззаконие. 5. И вы знаете, что Он явился для того, чтобы поднять грехи наши, и что в Нем нет греха. 6. Всякий, пребывающий в Нем, не согрешает; всякий согрешающий не видел Его.*)

4) *Всякий делающий грех.* Апостол уже показал, сколь неблагодарны мы будем Богу, если станем мало ценить честь усыновления, которой Он нас предваряет, и не ответим Ему, по крайней мере, взаимной любовью. Одновременно он вставляет здесь увещание, что чувства наши не должны убывать из-за откладывания обещанного блаженства. Теперь апостол, поскольку люди обычно потакают себе в превратном самоснисхождении, говорит, что всякий согрешающий – беззаконник и преступник закона. Вероятно, что тогда некоторые преуменьшали свои пороки следующей уверткой: не удивительно, если мы грешим, ведь мы тоже человеки, но между грехом и беззаконием есть большое различие.

И апостол устраняет подобное извинение, определяя грех как нарушение божественного закона. Намерение его в том, чтобы внушить ненависть и отвращение ко греху. Само слово «грех» кому-то может показаться незначительным, беззаконие же или преступление закона прощается не так легко. Впрочем, апостол, осуждая в беззаконии всех согрешающих, не делает тем самым все грехи одинаковыми. Он просто хочет сказать, что грех рождается от презрения к Богу и нарушает справедливость закона. Посему это Иоанново учение не имеет ничего общего с безумным парадоксом стоиков.

Кроме того, слово «грешить» означает здесь не согрешение в каком-то отдельном поступке. И «грех» означает здесь не отдельные прегрешения, но апостол зовет грехом то состояние, когда люди влекутся ко злу всем своим сердцем. И под согрешающими он подразумевает лишь тех, кто привержен греху. Ибо верующие, хотя и страдают пока от гнета плотских похотей, не считаются беззаконниками, несмотря на то, что нечисты и не свободны от греха. Но поскольку грех в них не царствует, Иоанн и говорит, что они не грешат, что вскоре я истолкую подробнее.

Итог этого отрывка в следующем: превратная жизнь тех, кто потакает греховной вседозволенности, ненавистна Богу. Он не может ее выносить, поскольку она противится Его же закону. Но отсюда не следует, что верующие также являются беззаконниками, коль скоро они хотят подчиняться Богу, ненавидят себя за свои

пороки, и даже за отдельные проступки. Потом, они по мере собственных сил стараются вести жизнь в повиновении закону. Однако там, где имеется осознанная воля грешить или постоянство в грехе, имеется и преступление закона.

5) *И вы знаете, что Он явился.* Апостол еще одним доводом доказывает, сколь отличаются друг от друга грех и вера. Ибо служение Христово состояло в том, чтобы поднять наши грехи; именно для этой цели Он и был послан Отцом. Верой же мы принимаем силу Христову. Значит, тот, кто верует во Христа, необходимо очищается от грехов. Впрочем, в то время как в других местах говорится о поднятии грехов Христом в том смысле, что Он изгладил их жертвоприношением Своей смерти, дабы они не вменялись нам в глазах Божиих, здесь апостол имеет в виду, что Христос воистину и на деле упраздняет грехи, поскольку через Него распинается наш ветхий человек, и Дух Христов через покаяние умерщвляет нашу плоть с ее дурными похотями. Так что контекст не позволяет поднятие истолковать как отпущение. Апостол рассуждает так: те, кто не перестает грешить, делают благоденствие Христово недействительным. Ибо Он пришел как раз для того, чтобы упразднить царство греха. А это относится к освящению нашей души.

В Нем нет греха. Здесь идет речь не о личности Самого Христа, но обо всем Его теле. Куда бы Христос ни излил Свою силу, там, по утверждению апостола, не может быть греха. Посему он тут же заключает, что пребывающий во Христе не грешит. Ведь если Христос обитает в нас через веру, Он продолжает исполнять Свою миссию, очищая нас от грехов. Отсюда явствует, что именно значит здесь глагол «грешить». Ибо Христос не обновляет нас Своим Духом сразу и совершенно, в один день или один миг, но всю нашу жизнь продолжает в нас отчасти начатое обновление. Итак, не может быть, чтобы верующие, покуда живут в этом мире, были подвержены греху. Но, постольку, поскольку в них пребывает Христово Царство, грех сломен и упразднен. Верующих оценивают по преобладающей стороне их жизни, то есть, о них говорится, что они праведны и живут праведно, потому что они с искренним сердцем стремятся к праведности.

Говорится, что они «не грешат», поскольку, даже если они и падают под немощью плоти, то все же не соглашаются с грехом, но, скорее, стеля, сражаются с ним и могут вместе с Павлом (Рим.7:19) воистину засвидетельствовать, что делают зло, которого не хотят. Апостол называет верующих «пребывающими» во Христе, поскольку мы прививаемся к Нему верою, становясь с Ним единым целым.

6) *Всякий согрешающий не видел Его.* Апостол по своему обычаю добавляет обратное утверждение, давая нам понять, что без обновления жизни напрасно претендовать на веру и на знание Христа. Ибо Христос не пребывает праздным там, где царствует, но проявляет силу Собственного Духа. Он Сам говорит, что изгоняет грех, подобно тому, как солнечный свет рассеивает своим блеском тьму. И снова данный отрывок учит нас, сколь живо и действенно познание Христово, претворяющее нас в Его образ. Таким образом, здесь под чувством и знанием имеется в виду не что иное, как вера.

7. Дети! да не обольщает вас никто. Кто делает правду, тот праведен, подобно как Он праведен. 8. Кто делает грех, тот от диавола, потому что сначала диавол согрешил. Для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела диавола. 9. Всякий, рожденный от Бога, не делает греха, потому что семя Его пребывает в нем; 4. и он не может грешить, потому что рожден от Бога. 10. Дети Божии и дети диавола узнаются так: ...

(7. Дети! Да не обольщает вас никто. Кто делает правду, тот праведен, подобно как Он праведен. 8. Кто делает грех, тот от диавола, потому что сначала диавол согрешает. Для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела диавола. 9. Всякий, рожденный от Бога, не делает греха, потому что семя Его пребывает в нем; 4. и он не может грешить, потому что рожден от Бога. 10. Из этого узнаются дети Божии и дети диавола.)

7) *Кто делает правду.* Апостол учит, что новизна жизни подтверждается добрыми делами. И подобие между Христом и Его членами явствует лишь тогда, когда приносит свои плоды. Апостол как бы говорит: поскольку нам надлежит быть подобными Христу, пусть истина и свидетельство этого проявляются в нашей жизни. То же самое увещание произносит Павел, Гал.5:25: если мы живем духом, то по духу и поступать должны. Ибо многие охотно сказали бы, что имеют скрытую в сердце праведность, в то время как их ноги, руки, язык и глаза открыто занимаются беззаконием.

8) *Кто делает грех.* И здесь глагол «делать» относится к внешним делам. Так что смысл следующий: там, где люди ведут себя превратно и преступно, нет ни Бога, ни Христа. Но таковые скорее являются рабами дьявола. Данной фразой апостол еще лучше дает понять, сколь сильно отличаются от Христа подобные люди. Прежде он сделал Христа источником всякой праведности, теперь же, наоборот, делает дьявола главою греха. Ранее он отрицал, что Христу принадлежит кто-либо, кроме праведных, являющих себя таковыми собственными делами. Теперь же помещает всех прочих в одно сообщество с дьяволом, подчиняя их его власти, дабы мы знали: здесь не может быть середины. И там, где не властвует праведность Христова, с необходимостью присутствует тирания сатаны.

Однако не следует вместе с манихеями воображать себе два противоположных начала. Мы знаем, что дьявол зол не по природе, не по тварному происхождению, но из-за собственного падения. Мы знаем, кроме

этого, что он не равен Богу, чтобы иметь право с Ним спорить, но обуздывается против воли, так что ничего не может без согласия и соизволения своего Создателя. Наконец, Иоанн, называя одних рожденными от Бога, а других – от дьявола, не мыслит никакой передачи субстанции, о которой бредят манихеи. Он просто хочет сказать, что первые управляются Духом Христовым, а вторые влекутся сатаной, насколько Бог дает ему такую власть над неверующими.

Сначала диавол согрешил. Как прежде апостол говорил не об одной лишь личности Христа, называя Его праведником, но представлял Его источником и причиной праведности, так и теперь, назвав дьявола согрешившим, он охватывает все его тело, то есть, всех отверженных. Апостол как бы говорит: подталкивать ко греху свойственно именно дьяволу. Отсюда следует, что все, приверженные греху, являются его членами и им управляются. Далее, начало, о котором здесь говорит апостол, не является вечностью, в отличие от отрывка, где сказано: в начале было Слово. Ибо положение Бога и положение твари весьма различны. В Боге время не имеет начала. Посему, так как Слово всегда было у Бога, нельзя найти какой-либо момент, когда Оно начало быть. И мы с необходимостью приходим к идее вечности. Здесь же Иоанн хочет сказать лишь то, что дьявол стал отступником сразу же от сотворения мира, и с этого момента не прекращал распространять в людях свой яд.

Для сего-то и явился Сын Божий. Сказанное прежде о том, что Христос пришел для поднятия грехов, апостол повторяет теперь иными словами. Отсюда можно сделать два вывода: те, в ком царствует грех, не могут числиться членами Христа и каким-либо образом принадлежать Его телу. Ведь там, где Христос проявляет Свою силу, Он поражает вместе и дьявола, и грех. И это тут же поясняет сам апостол. Ибо следующее предложение, где сказано, что рожденные от Бога не грешат, является выводом из вышеизложенного. Довод основан здесь на сравнении противоположностей, поскольку Царство Христово, необходимо приносящее с собой праведность, не может пребывать вместе с грехом. Впрочем, выше я говорил о том, что значит здесь «не грешить». Ибо апостол не делает детей Божиих полностью свободными от всякого порока, но говорит, что этим званием истинно хвалятся лишь те, кто от души старается проводить жизнь в послушании Богу.

Пелагиане и катары некогда злоупотребляли этим свидетельством, воображая, будто верующие в этом мире наделены ангельской чистотой. И в нашем веке это безумие возродили некоторые анабаптисты. Но все, бредящие о подобной чистоте, тут же показывают, насколько бесчувственна их совесть. Слова же апостола не только ничем не помогают их заблуждению, но и вполне достаточны для его опровержения.

Апостол говорит, что рожденные от Бога «не грешат». Теперь посмотрим, возрождает ли нас Бог в один миг. Совершенно ясно, что возрождение начинается в нас так, что остатки ветхого человека пребывают вплоть до самой смерти. Если же возрождение наше еще не окончательно и нетвердо, Бог избавляет нас от рабства греху лишь в некоторой степени. Отсюда явствует: дети Божии неизбежно будут страдать от пороков и ежедневно грешить. Грешить постольку, поскольку в них еще пребывает некоторый остаток ветхой природы. Однако же неизбежным остается положение, на котором настаивает апостол: цель возрождения в том, чтобы грех упразднился. Поэтому все, рожденные от Бога, живут праведно и благочестиво, ибо Дух Божий устраняет в них греховную похоть. Именно это и понимает апостол под *семенем* Божиим. Бог так обращает сердца благочестивых к правильным пожеланиям, что в них уже не господствует плоть с ее вождениями. Она укрощается так, словно ее сдерживает узда. В итоге: верховную власть в избранных апостол приписывает Духу, силой Своей подавляющему грех и не позволяющему ему царствовать.

9) *И он не может грешить.* Здесь апостол поднимается еще выше. Он ясно заявляет, что Божий Дух действительно управляет сердцами благочестивых, так что они с неотвратимым желанием следуют Его водительству. А это далеко от учения папистов. Сорбонские теологи признают, что человеческая воля не может желать добра, если ей не помогает Дух, но воображают себе такое внушение Духа, которое оставляет нам свободное избрание добра или зла. Отсюда они выводят заслуги, поскольку мы добровольно повинемся благодати Духа, которую в силах также отвергнуть. По их определению благодать Духа состоит лишь в том, чтобы мы могли желать добра, если это нам захочется. Иоанн же говорит совсем другое. Он не только учит тому, что мы можем не грешить. Он считает влияние Духа столь действенным, что оно с необходимостью удерживает нас в послушании праведности. И это не единственное место Писания, учащее, что воля обновляется так, что может быть только правильной. Бог свидетельствует, что дает Своим детям новое сердце и обещает сделать так, чтобы они ходили в Его заповедях. Добавь к этому, что Иоанн учит не только тому, сколь действительно работает Бог в человеке, но и открыто заявляет: Дух усиливает в нас Свою благодать до самого конца нашей жизни, и к обновлению жизни добавляет нестигаемую стойкость. Посему не станем воображать вместе с софистами какое-то среднее воздействие, которому люди могут свободно следовать или противиться, но будем знать: наши сердца управляются Духом Божиим, дабы постоянно прилепляться к праведности.

Далее, легко опровергнуть тот абсурд, который софисты приводят нам в возражение. Они говорят, что таким образом у человека устраняется свободная воля. Но это не так. Ибо воля принадлежит природе. Но поскольку испорченная природа порождает только дурные желания, то, чтобы она стала доброй, необходимо преобразование ее божественным Духом. Потом, поскольку люди тут же отпали бы от добра, необходимо, чтобы тот же Дух довел до конца начатое Им дело. По поводу же заслуг ответить весьма легко. Ибо вовсе не глупо

думать, что люди ничего не заслуживают. Однако же дела, проистекающие от благодати Духа, не перестают считаться добрыми, поскольку совершаются добровольно. За них даже дается награда, поскольку, будучи незаслуженно принятыми Богом, они приписываются людям так, словно принадлежат им.

Но здесь возникает вопрос: если кто-то возрожден Духом Божиим, разве не могут в нем когда-либо исчезнуть страх Божий и благочестие? Ибо слова апостола, кажется, отрицают такую возможность. Те, кто думает иначе, приводят пример Давида, которым на время завладело животное оцепенение, не позволяя проявиться даже искорке Духа. Больше того, в Псалме 50 он сам просит вернуть себе Дух Божий. Отсюда следует, что ранее он был Его лишен. Но я не сомневаюсь в том, что семя, которым Бог возрождает Своих избранных, будучи нетленным, сохраняет постоянную силу. Допускаю: может случиться так, что оно заглушается на время, как видно на примере Давида. Однако, даже когда казалось, что в нем угасло всякое благочестие, под пеллом продолжал теплиться уголек. Действительно, сатана пытается похитить у избранных все данное им от Бога, но, хоть ему и позволено многое, в избранных всегда остается скрытый корень, затем производящий ростки. Впрочем, Иоанн говорит здесь не об отдельных поступках, но о постоянном образе жизни.

Некоторые фанатики бредят о незнакомом вечном семени в избранных, которое они всегда приносят с собою из чрева матери. Но это – более, чем глупое искажение слов апостола. Ибо он говорит здесь не о вечном избрании, а рассуждает о жизни с момента возрождения. Имеются и безумные вдвойне, которые под этим предлогом хотят позволить верующим все что угодно, поскольку Иоанн отрицает за ними возможность греха. Они хотят, чтобы мы без всякого разбора шли туда, куда нас влекут чувства. Таким образом, они позволяют блуд, воровство и убийство, отрицая, что грех может быть там, где царствует Дух Божий. Но мысль апостола совершенно иная. Он потому отказывает верующим в возможности грешить, что, как сказано у пророка (Иер.31:33), Бог запечатлевает в их сердцах Собственный закон.

10) *Узнаются так.* Апостол подытоживает сказанное: имя и место среди детей Божиих напрасно присваивают себе те, кто не доказывает это святой и благочестивой жизнью. Именно этот признак отличает их от детей дьявола. Далее, апостол не имеет в виду, что дети Божии настолько ярко видимы, что их можно сразу отличить от прочего мира. Он хочет лишь сказать, что в жизни всегда проявляются плод и результат божественного усыновления.

Всякий, не делающий правды, не есть от Бога, равно и не любящий брата своего. 11. Ибо таково благовествование, которое вы слышали от начала, чтобы мы любили друг друга, 12. не так, как Каин, который был от лукавого и убил брата своего. А за что убил его? За то, что дела его были злы, а дела брата его праведны. 13. Не дивитесь, братия мои, если мир ненавидит вас.

(Всякий, не делающий правды, не есть от Бога, и тот, кто не любит брата своего. 11. Ибо такова проповедь, которую вы слышали от начала, чтобы мы любили друг друга, 12. не так, как Каин, который был от лукавого и убил брата своего. А за что убил его? За то, что дела его были злы, а дела брата праведны. 13. Не дивитесь, братия мои, если мир ненавидит вас.)

Не делающий правды. Делать правду и совершать грех представляется апостолом как нечто взаимно противоположное. Посему делать правду есть не что иное, как от всего сердца бояться Бога и ходить в Его заповедях, насколько позволяет человеческая немощь. Хотя праведность – это, строго говоря, полное исполнение закона, от которого верующие весьма далеки, коль скоро Бог не вменяет им проступки и грехи, праведностью зовется здесь то половинчатое послушание, которое они выказывают Богу. Иоанн говорит, что всякий живущий неправедно не есть от Бога, ибо Бог возрождает Своим Духом всех, кого призывает. Значит, обновление жизни есть постоянное свидетельство усыновления Божию.

И не любящий брата своего. Апостол приспособляет общее учение к своей конкретной цели. До этого он и увещевал верующих ко взаимной братской любви. Теперь он сюда же относит кульминацию истинной праведности. Поэтому данная фраза добавлена в качестве пояснения. Впрочем, я уже раньше говорил, почему в любви к братьям заключена всякая праведность. Первое место занимает страх Божий. Но поскольку от него зависит братская любовь между людьми, часто путем синекдохи страх подразумевается в любви, а любовь в страхе. Значит, апостол говорит, что всякий настолько является и должен считаться праведным, насколько отличается благотворением и человечностью. И подтверждает эту фразу, говоря, что верующие были «научены так» от начала. Этими словами он хочет сказать, что данное им определение праведности не должно казаться верующим чем-то новым.

12) *Не так, как Каин.* Еще одно подтверждение, заимствованное из обратного примера. Ибо в отверженных и детях дьявола царит ненависть, как бы главенствуя над их жизнью. В качестве примера сказанного он приводит Каина. Между тем, все это способствует утешению верующих, поскольку апостол в конце заключает: «не дивитесь, если мир ненавидит вас». Данное толкование следует прилежно обдумать. Ведь люди всегда заблуждаются в отношении правила жизни, помещая святость в придуманных ими делах, и, утруждая себя всяким вздором, думают, будто дважды угодны Богу. Подобно тому, как монахи горделиво именуют свой образ жизни состоянием совершенства. И в папстве нет иного поклонения Богу, кроме нагромождения суеверий. Но апостол говорит, что Богу угодна лишь та праведность, когда мы взаимно друг друга любим. И

наоборот, дьявол царствует там, где царят ненависть, соперничество, зависть и вражда. Но одновременно следует помнить то, о чем я говорил выше: любовь к братьям потому не отделяется от любви к Богу, что рождается из нее как следствие от причины. Больше того, Иоанн расхваливает ее как доказательство нашего почтения к Богу.

Говоря же, что *Каин* был подвигнут на убийство брата по той причине, что дела его были злы, апостол хочет высказать уже упомянутую мною мысль: там, где царит нечестие, ненависть охватывает все стороны жизни. Он также упоминает о *праведных* делах Авеля, дабы мы научились терпеливо и без обид переносить незаслуженную ненависть мира.

14. Мы знаем, что мы перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев; не любящий брата пребывает в смерти. 15. Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца; а вы знаете, что никакой человекоубийца не имеет жизни вечной, в нем пребывающей. 16. Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьев. 17. А кто имеет достаток в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце свое, — как пребывает в том любовь Божия? 18. Дети мои! станем любить не словом или языком, но делом и истиною.

(14. Мы знаем, что мы перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев; не любящий брата пребывает в смерти. 15. Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца; а вы знаете, что никакой человекоубийца не имеет жизни вечной, в нем пребывающей. 16. Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьев. 17. А кто имеет пропитание в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него утробу свою, — как пребывает в том любовь Божия? 18. Дети мои! Будем любить не словом или языком, но делом и истиною.)

14) *Мы знаем.* Здесь апостол возвышенными словами расхваливает перед нами добродетель любви. Ибо она — свидетельство нашего перехода из смерти в жизнь. Отсюда следует: мы счастливы, если любим братьев, и несчастны, если их ненавидим. Всякий хочет избавиться от смерти и уйти от нее. Значит, нет глупее человека, который лелея в себе ненависть, добровольно способствует своей смерти. Далее, апостол, говоря, что переход к жизни познается из любви, не имеет в виду, что человек — сам себе избавитель. Словно, любя братьев, он исторгает себя из рук смерти и уготовляет себе жизнь. Ведь апостол рассуждает здесь не о причине спасения, но о том, что, поскольку любовь — главный плод Святого Духа, она также является надежным признаком возрождения. Посему довод Иоанна основан на признаке, а не на причине. Поскольку искренне братьев любит лишь тот, кто возрожден Святым Духом, отсюда законно следует, что Дух Божий, являющийся жизнью, обитает во всех, кто любит своих братьев. Но было бы глупым выводить отсюда, что жизнь обретается посредством любви, ибо любовь по порядку следует за жизнью.

Более убедительным был бы другой довод: если любовь удостоверяет нас в обладании жизнью, значит уверенность в спасении основана на делах. Но и его нетрудно опровергнуть. Хотя вера подтверждается всеми видами благодати Божией, словно неким вспомоществованием, она не перестает опираться на милосердие Божие. Например, когда мы наслаждаемся светом, то уверены в том, что он исходит от солнца. Если место, в котором мы находимся, озаряется солнцем, видимость улучшается. Однако мы не видим самих лучей, но довольствуемся лишь тем, что солнце дает нам возможность наслаждаться своим сиянием. Так происходит и в отношении веры. Когда она уже основана на Христе, к ней могут добавляться какие-то вспомоществования. Но уповает она на одну лишь благодать Христову.

15) *Человекоубийца.* Дабы сильнее поощрить читателей к любви, апостол показывает, сколь отвратительна ненависть в глазах Бога. Нет никого, кто не ужаснулся бы человекоубийству. Все мы готовы проклясть само его название. Апостол же говорит, что человекоубийцами являются все, ненавидящие братьев. Он выразился жестко, но, однако же, не преувеличил. Ведь тому, кого мы ненавидим, мы желаем гибели. И неважно, если кто-то воздерживается от нанесения вреда собственными руками, Бог осуждает желание нанести вред, как и саму попытку его причинения. Больше того, даже если мы не желаем вредить сами, но хотим, чтобы вред был причинен брату с какой-то другой стороны, мы также являемся человекоубийцами.

Значит, апостол называет вещи своими именами, именуя ненависть человекоубийством. Тем самым он обличает людскую глупость. Ведь люди, гнушаясь словом «человекоубийство», само его считают сущим пустяком. Почему? Потому что наши чувства заморожены внешней видимостью, Бог же видит внутреннее состояние души. Посему, дабы больше никто не пытался преуменьшить столь великое зло, научимся проверять наши собственные суждения беспристрастным судом Божиим.

16) *Познали мы в том.* Теперь апостол показывает, какова именно эта истинная любовь. Было бы недостаточным просто похвалить ее, не разумея ее подлинной силы. Совершенное правило любви апостол показывает нам на Христовом примере. Ибо Он, не щадя Собственной жизни, засвидетельствовал тем самым, сколь сильно нас любит. Посему апостол и велит нам стремиться к такой же любви. Итог следующий: наша любовь доказывается тем, что мы, переставая любить себя, переносим любовь на братьев, дабы каждый, неким образом забыв о себе, стал помогать другим.

Несомненно, что мы не равня Христу. Но апостол поощряет нас к подражанию. Хотя нам и не догнать Христа, все равно надлежит следовать по Его стопам. Действительно, намерение апостола заключается в том, чтобы лишить пустой похвалы лицемеров, гордящихся тем, что имеют веру, хотя любви к братьям у них не было. Поэтому этими словами он хочет сказать следующее: если в нашей душе нет усердия к любви, у нас нет ничего общего со Христом. Однако (как я уже говорил) он заповедует нам любовь Христову не в том смысле, чтобы требовать от нас точно такой же любви. Ведь такое требование, безусловно, ввергло бы в отчаяние всех до единого. Но апостол хочет, чтобы наши желания были упорядочены так, чтобы в жизни и смерти мы хотели послужить, во-первых, Богу, а потом и ближнему.

Между нами и Христом есть и другое отличие: наша смерть не обладает такой же силой. Наша кровь не умиротворяет гнев Божий, наша смерть не обретает жизни и не снимает с других положенное им наказание. Но апостол, проводя сравнение, говорил не о том, какими были цель или результат Христовой смерти. Он лишь хотел, чтобы наша жизнь соотносилась с Христовым примером.

17) *А кто имеет достаток.* Теперь апостол говорит о повседневных обязанностях любви, проистекающих из ее возвышенного источника, когда мы готовы помогать ближним даже с угрозой для собственной жизни. Хотя, кажется, что апостол рассуждает здесь от большего к меньшему. Ведь тот, чьей жизни ничто не угрожает, и кто, тем не менее, отказывается облегчить нищету братьев от собственного достатка, тем более не будет полагать за них свою жизнь. Значит, апостол отрицает наличие в нас любви, если мы лишаем своих ближних пользования нашим достатком. Впрочем, Иоанн, расхваливая перед нами внешнюю благотворительность, одновременно показывает, какова ее истинная основа, и какое чувство должно ею управлять.

Итак, первое положение состоит в следующем: братьев любит лишь тот, кто делом доказывает это всякий раз, как требует повседневная жизнь. Второе положение таково: насколько велик достаток каждого, настолько же он обязан помогать братьям, ибо Господь через достаток дает нам возможность упражняться в любви. Третье положение: надо учитывать нужду каждого, поскольку каждый, нуждаясь в пище, питье и прочем, чего у нас в достатке, тем самым вызывает к нашему чувству долга. Четвертое положение: никакая благотворительность, лишенная *τῇ συγκαθήῃ*, не угодна Богу. Многие на вид довольно щедры, и, однако же, несчастье братьев никак их не затрагивает. Но апостол заповедует открывать братьям свою утробу. А это происходит тогда, когда мы испытываем одинаковые с ними чувства, сострадав чужому горю как своему.

Любовь Божия. Здесь идет речь о любви к братьям. Почему же апостол называет эту любовь Божией? Следует придерживаться следующего принципа: любовь к Богу неизбежно должна породить в нас любовь к братьям. И Бог, повелевая нам любить людей ради Него Самого, тем самым получает доказательство нашей любви к Себе. Подобно тому, как говорится в Пс.15:2: блага мои тебе не нужны; к святым, которые на земле, все желание мое.

18) *Станем любить не словом.* В первой части предложения содержится уступка. Ибо мы не можем любить одним языком. Но, поскольку многие ложно претендуют на эту любовь, апостол делает уступку их притворству, приписывая ему имя самой вещи. Хотя во второй части фразы он изобличает никчемность их потуг, говоря, что истина может быть лишь в делах. Слова его надо понимать так: не будем болтать о любви языком, но будем доказывать ее на деле, ибо только такая любовь истинна.

19. И вот по чему узнаем, что мы от истины, и успокаиваем пред Ним сердца наши; 20. ибо если сердце наше осуждает нас, то кольми паче Бог, потому что Бог больше сердца нашего и знает все. 21. Возлюбленные! если сердце наше не осуждает нас, то мы имеем дерзновение к Богу, 22. и, чего ни попросим, получим от Него, потому что соблюдаем заповеди Его и делаем благоугодное пред Ним.

(19. И вот по чему узнаем, что мы от истины, и успокаиваем пред Ним сердца наши; 20. ибо если сердце наше осуждает нас, то Бог несомненно больше сердца нашего и знает все. 21. Возлюбленные! Если сердце наше не осуждает нас, то мы имеем упование перед Богом, 22. и, чего ни попросим, получим от Него, потому что соблюдаем заповеди Его и делаем благоугодное пред Ним.)

19) *По чему узнаем.* Слово «истина» апостол использует теперь в ином смысле, употребляя изящный стилистический прием. Если мы воистину любим ближних, то получаем отсюда свидетельство того, что рождены от Бога, Который есть истина. Или же: в нас взаправду пребывает истина Божия. Но будем всегда помнить: не от любви мы имеем то знание, о котором говорит апостол. Не надо думать, будто от нее надо черпать уверенность в спасении. Действительно, мы познаем, что являемся детьми Божиими, только из того, что Бог Духом Своим запечатлевает в наших сердцах благодатное усыновление. И верою мы принимаем Его надежный залог, данный нам во Христе. Итак, любовь — это вспомоществование низшего порядка для укрепления веры, а не фундамент, на который она опирается.

Почему же апостол говорит: «успокаиваем пред Богом сердца наши»? Этими словами он учит, что нет веры без доброй совести. Не потому, что от доброй совести происходит или зависит уверенность в спасении, но потому что мы лишь тогда истинно, а не ложно, убеждены в нашем соединении с Богом, когда действительность Святого Духа проявляет себя в нашей любви. Надо всегда стремиться понять, что именно хочет сказать апостол. Ведь, осуждая ложное, притворное исповедание веры, он говорит, что твердая уверенность

пред Богом возникает лишь тогда, когда Его Дух производит в нас плод любви. И хотя добрую совесть не следует отделять от веры, нельзя выводить отсюда, что для твердого убеждения в спасении следует взирать на собственные дела.

20) *Если сердце наше осуждает.* Здесь апостол доказывает от противного, что напрасно претендуют на имя христиан те, у кого нет свидетельства доброй совести. Ведь если кто сознает за собой зло и осуждается собственным душевным чувством, он, тем более, не избежит суда Божия. Отсюда следует, что беспокойство недоброй совести ниспровергает веру.

Апостол называет Бога *большим нашего сердца*, имея в виду Его суд. Ведь Бог видит много острее, чем мы, исследует много тщательнее и судит много суровее. Поэтому Павел говорит: хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь (1Кор.4:4). Ибо он признает, что ошибается во многом, как бы усердно ни исполнял свой долг, и прощает из-за неведения те свои ошибки, на которые обращает внимание Бог. Итак, апостол хочет сказать следующее: тот, кого обличает и упрекает собственная совесть, суда Божия избежать не может. Сюда же относится следующая фраза: Бог видит все. Ибо как от Него сокроется то, что вынуждены видеть даже мы, по сравнению с Ним ограниченные и слепые люди? Значит, слова апостол надо понимать так: Бог, подмечая все, много выше нашего сердца. Ведь далеко не ново понимать союз в качестве слова, указывающего на причину. Теперь смысл ясен: поскольку знание Божие проникает глубже нашей совести, пред ним может устоять лишь тот, чья совесть чиста.

Но здесь возникает вопрос. Несомненно, что сатана порою вводит отверженных в такое оцепенение, что они больше не чувствуют собственных злодеяний и без страдания и страха (как говорит Павел) спокойно идут к своей гибели. Также несомненно, что лицемеры обычно льстят себе, надменно презирая божественный суд, ибо, опьяненные ощущением собственной праведности, вовсе не думают о своих грехах. Ответ довольно прост. Лицемеры заблуждаются потому, что бегут от света, а отверженные потому ничего не чувствуют, что далеки от Бога. Больше того, их успокоенность может возникнуть лишь в закоулках недоброй совести. Но апостол говорит здесь о той совести, которую Бог выводит на свет и вызывает на суд, испытывая осознанием Своего беспристрастного разбирательства. Хотя также верно и общее положение: у нас не будет спокойствия и мира, кроме тех, которые Дух Божий дает очищенной совести. Ведь даже те, кого мы зовем оцепенелыми, порой ощущают тупые уколы, мучая себя в своем летаргическом сне.

21) *Если сердце наше не осуждает нас.* Я уже пояснил, что сказанное не относится к лицемерам или откровенным презрителям Бога. Как бы ни нравилась отверженным их жизнь, Господь, по словам Соломона (Прит.16:2) все равно взвешивает сердца. Весы божественной справедливости не дают никому хвалиться чистотою сердца. Итак, слова апостола несут следующий смысл: мы лишь тогда в спокойном уповании предстаем перед взором Божиим, когда, сознавая за собой добро, приносим с собой свидетельство правого испытанного сердца. Истинны слова Павла о том, что верой, опирающейся на Христову благодать, нам открывается доступ к Богу и возможность упования (Еф.3:12). С другой стороны, вера дает нам мир, дабы совесть наша упокоилась перед Богом. Но между этими утверждениями нет никакого разногласия. Павел указывает на причину упования, Иоанн же говорит о его привходящем, но неотъемлемом качестве, которое, не являясь причиной, тем не менее, с необходимостью ему сопутствует.

Но здесь возникает еще большая трудность. Кажется, что для упования совсем не остается места. Ибо разве можно найти человека, которого бы ни в чем не обличало собственное сердце? Отвечаю: благочестивые также обличаются, но так, что одновременно знают об отпущении своих прегрешений. Им необходимо искренне страдать из-за собственных грехов, дабы страх научил их смирению и самодисциплине. Однако они тут же прибегают к жертве Христовой, в которой обретают надежное примирение. Хотя апостол в ином смысле говорит, что верующих не осуждает сердце. Ведь, сколь бы многочисленными ни признавали они свои прегрешения, их поддерживает совесть, свидетельствующая о том, что они истинно от всего сердца боятся Бога и желают подчиниться Его справедливому закону. И все, в ком присутствует это благочестивое чувство, все сознающие свое усердие к праведности как бы ни были далеки от совершенства, все же вполне угодны Богу. Они заслуженно зовутся имеющими умиротворенное сердце, поскольку никакие внутренние уколы не смущают их спокойствия и радости.

22) *И, чего ни попросим.* Поскольку упование на Бога и призывание Бога между собой связаны, апостол, ранее сказав, что недобрая совесть противоречит упованию, учит теперь, что Бога могут призывать лишь те, кто боится и правильно чтит Его чистотою сердца. И второе положение следует здесь из первого. Общая аксиома Писания состоит в следующем: Бог не выслушивает нечестивых. Скорее, напротив, их жертвы и молитвы Ему отвратительны. Значит, здесь апостол закрывает дверь для лицемеров, дабы те не порывались предстать перед Богом, одновременно Его презирая. Между тем, он говорит о принесении Богу доброй вести не в том смысле, что благодать заслуживается нашими молитвами. Горе нам, если мы будем взирать на дела, дающие нам только повод для трепета перед Богом. Итак, верующие надеются на благосклонность суда Божия, только опираясь на посредничество Христово. Но поскольку с верой всегда соединена любовь к Богу, апостол, дабы еще больше обличить лицемеров, лишает их особой привилегии, которой Бог удостоивает Своих детей. Дабы они не думали, что открывают себе доступ к Богу собственными молитвами.

Говоря же: «потому что соблюдаем заповеди Его», – Иоанн не имеет в виду, что молитвенное упование основано на наших делах. Он настаивает лишь на том, что благочестие и искреннее почитание Бога нельзя отделять от веры. И не должно казаться глупым, что он, не говоря о причине, использует, тем не менее, выражающий причину союз. Ведь привходящее свойство, если оно неотъемлемо, порою выставляют в качестве самой причины. К примеру, кто-то может сказать: нам жарче оттого что солнце находится в зените. Но отсюда не следует, что от жар исходит от света.

23. А заповедь Его та, чтобы мы веровали во имя Сына Его Иисуса Христа и любили друг друга, как Он заповедал нам. 24. И кто сохраняет заповеди Его, тот пребывает в Нем, и Он в том. А что Он пребывает в нас, узнаем по духу, который Он дал нам.

(23. А заповедь Его та, чтобы мы веровали имени Сына Его Иисуса Христа и любили друг друга, как Он заповедал нам. 24. И кто сохраняет заповеди Его, тот пребывает в Нем, и Он в том. И в том узнаем, что Он пребывает в нас, по духу, который Он дал нам.)

23) *А заповедь Его.* Апостол снова приспособливает общее положение к своей конкретной цели. Итог таков: наша вражда с Богом столь велика, что нам нет доступа к Нему, если нас не соединит взаимная братская любовь. Хотя апостол расхваливает здесь не только любовь, как он это делал прежде. Спутницей любви он делает веру, идущую по ее следам.

Софисты искажают эти слова собственными измышлениями. Словно право молиться дается нам отчасти верою, а отчасти делами. Из того, что Иоанн в качестве законного основания молитвы требует соблюдение заповедей Божиих, а затем учит, что это соблюдение заключается в вере и любви, они выводят, что дерзновение в молитве должно опираться на эти две вещи. Я уже несколько раз говорил о том, что здесь идет речь не о том, откуда и каким образом люди обретают право призывать Бога. Здесь не идет речь о причине или заслуге. Иоанн лишь показывает, что Бог удостоивает права разговаривать с Собою только Своих детей, возрожденных Его же Духом. Посему контекст отрывка таков: там, где не царят страх Божий и почтение к Нему, Бог никогда нас не услышит.

Если же мы хотим соблюдать Его заповеди, сперва надо понять, что именно Он заповедует. Но апостол не отделяет веру от любви, требуя и то, и другое как бы в единой связке. Вот причина, по которой слово «заповедь» стоит здесь в единственном числе. Впрочем, этот отрывок весьма примечателен. В нем апостол ясно, и в то же время кратко, определяет, в чем именно заключается все совершенство благочестивой жизни. Итак, у нас нет повода жаловаться на трудность понимания. Ведь Бог не запутывает нас какими-то двусмысленностями, но просто, одним словом, говорит нам о том, что правильно, и что Ему угодно. Добавь к этому, что в этой краткости нет никакой неясности. Бог ясно показывает нам принцип и цель правильной жизни. Что же касается того, что здесь упомянута только любовь к братьям, и не говорится о любви к Богу, то причина этого (как я уже сказал в другом месте) в том, что братская любовь, проистекая только из любви к Богу, есть надежное и истинное подтверждение последней.

Во имя Сына Его. «Имя» отсылает нас к проповеди. И отсылку эту следует отметить особо. Ведь мало кто понимает, что значит верить во Христа. Из этого выражения легко заключить: правильной является лишь вера, принимающая Христа Таким, Каким Его проповедует Евангелие. Отсюда вывод: нет веры без учения. Этому учит и Павел в Рим.10:14. Одновременно следует отметить, что веру апостол заключает в познании Христа. Ибо Христос – живой образ Отца, и в Нем заключены все сокровища премудрости и знания. Посему, как только мы от Него отходим, нам остается лишь бродить в заблуждениях.

24) *И кто сохраняет заповеди.* Апостол подтверждает сказанное ранее: наша связь с Богом проявляется тогда, когда мы взаимно друг друга любим. И не потому, что связь эта начинается с любви, но потому что она, где бы ни возникла, не может оставаться праздною и бездейственной. И апостол приводит довод для доказательства сказанного: Бог пребывает в нас лишь тогда, когда в нас обитает Его Дух. Но Дух Его, где бы ни был, с необходимостью выказывает силу и действенность. Отсюда легко заключить: в Боге пребывают и соединены с Ним лишь те, кто соблюдает Его заповеди.

Итак, когда апостол говорит: «и в том узнаем», – союз «и», указывая здесь на причину, значит то же, что и «потому что» или «ибо». Впрочем, следует учитывать контекст настоящего отрывка. Хотя предложение это и согласуется со словами Павла (Рим.8:15), где он говорит, что Дух свидетельствует сердцу нашему, что мы – дети Божии, и что мы через Него вопием к Богу: «Авва, Отче!», – в отношении смысла имеется некоторое различие. Павел говорит об уверенности в незаслуженном усыновлении, которую Дух запечатлевает в наших сердцах. Иоанн же ведет речь о воздействии, которое производит обитающий в нас Дух. Подобно тому, как сам Павел говорит, что дети Божии – это те, кто ведом божественным Духом. Ведь там он ведет речь и об умерщвлении плоти, и об обновлении жизни. Итог всего этого таков: наше божественное сыновство является из того, что Дух Божий управляет и руководит нашей жизнью. Между тем, Иоанн учит: любые наши добрые дела проистекают из благодати Духа, и этот Дух обретается не по нашей праведности, но дается нам незаслуженно.

1. Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лже-пророков появилось в мире. 2. Духа Божия (и духа заблуждения) узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога; 3. а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет и теперь есть уже в мире.

(1. Возлюбленные! Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лже-пророков вышло в мир. 2. Духа Божия узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога; 3. а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога. И это есть Антихрист, о котором вы слышали, что он придет и теперь есть уже в мире.)

Апостол возвращается к предыдущему учению, затронутому во второй главе. Ведь многие (как часто случается при появлении чего-то нового) злоупотребляли именем Христа для распространения собственных заблуждений. Другие же исповедывали Христа лишь наполовину. Между тем, получая прием у домохозяев Божиих, они были способны сильно навредить. Сатана же обрел повод для смущения Церкви прежде всего в личности Самого Христа. Ведь Христос – камень преткновения, о Который неизбежно претыкаются все те, кто не придерживается прямого пути, показанного нам Богом.

Далее, утверждение апостола состоит здесь из трех частей. Во-первых, он показывает зло, угрожающее верующим, и по этой причине призывает их к предосторожности. Он предписывает также и образ этой предосторожности, призывая их различать между духами. В этом состоит вторая часть его утверждения. Наконец, он описывает определенный вид духа лжи, от которого для верующих исходила наибольшая опасность. Итак, он запрещает слушать тех, кто отрицает Сына Божия, пришедшего во плоти. Теперь же по порядку рассмотрим каждое положение в отдельности.

Хотя причину – многие лжепророки вышли в мир – апостол приводит только в середине предложения; с нее то и надо начинать наше исследование. И фраза эта содержит весьма полезное поучение. Ведь если даже тогда сатана посылал многих, сеявших заблуждения под прикрытием имени Христова, тем более нечто похожее не должно пугать нас сегодня. Ибо такова вечная участь Евангелия – сатана пытается осквернить и опорочить его чистоту разными заблуждениями. Наш век, действительно, произвел на свет жуткие и чудовищные секты. По этой причине многие изумляются и колеблются, и, не зная куда обратиться, оставляют всякую заботу о благочестии. Они не находят лучшего средства выпутаться из опасности заблуждения. И поступают весьма глупо. Ведь, избегая света истины, они добровольно кидаются во мрак лжи. Посему пусть в наших душах незыблемым пребывает следующее положение: с того момента, как Евангелие начало распространяться, сразу же появились и лжепророки. Учение это защитит нас и от опасности другого соблазна.

Многих удерживает в плену древность заблуждений, многим не хватает смелости от них отказаться. Но Иоанн описывает здесь эту внутреннюю болезнь Церкви. И коль уже тогда к апостолам и другим верным учителям примешивались мошенники, что удивительного, если после угнетения евангельского учения в мире возникло множество его искажений? Итак, древность не должна мешать нам отличать истину от лжи.

1) *Не всякому духу верьте.* Многие (как было уже сказано), когда Церковь страдает от расколов и споров, пугаются и отходят от Евангелия. Дух же предписывает нам совершенно другое средство: верующие не должны без разбора и необдуманно принимать всякое учение. Итак, следует опасаться, как бы мы, смутившись от обилия разных мнений, не распрощались со всеми учителями, а вместе с ними – и с Самим Словом Божиим. Однако здесь достаточно простой предосторожности: не надо слушать без разбора всех подряд.

Слово «дух» я понимаю здесь метонимически, как означающее того, кто хвалится, что имеет дар от Духа, с целью заступить на пророческое служение. Поскольку никому не позволено говорить от своего имени, и говорящим следует доверять лишь постольку, поскольку они – орудия Святого Духа, Бог, дабы пророки Его имели больше авторитета, наделил их этим возвышенным титулом и как бы изъяс из числа обычных людей. Итак, духами звались те люди, которые, провозглашая изречения Святого Духа, неким образом участвовали в Его служении. Они ничего не вешали от себя и не выходили на проповедь по собственному почину. И почетный их титул был направлен на то, чтобы от презрения к служителю не уменьшалось почтение к Самому Слову Божию. Ибо Бог всегда хотел, чтобы Слово Его принималось из уст людей не иначе, как если бы Сам Он открыто провозгласил его с неба.

И вот здесь встречается сатана. Посылая лжеучителей для искажения Слова Божия, он присваивает им имя «духов», прикрываясь которым они могут действеннее обманывать людей. Таким образом, лжепророки всегда надменно и напыщенно приписывали себе все почести и титулы, которыми Бог наделял Своих рабов. И кажется, что апостол намеренно использовал это слово, дабы ложно прикрывающиеся именем Божиим не обманывали нас своей внешней личиной. Так мы видим, что многие сегодня одурачены пустым титулом «церковь» и предпочитают скорее предаться папе к своей вечной гибели, нежели отрицать за ним даже малую толику авторитета.

Следует отметить уступку, сделанную апостолом. Он мог бы сказать, что не надо верить каким угодно людям. Но, поскольку лжеучителя претендовали на имя «духов», Иоанн оставляет им этот титул, но одновременно предупреждает, что он пустячен и бесполезен, если эти учителя делами не доказывают справедливость своих претензий. Воистину глупы все те, кто, оцепенев от одного почетного титула, не решаются исследовать суть дела.

Испытывайте духов. Поскольку не все пророчества истинны, апостол утверждает, что их следует подвергать различению. И обращается он не только ко всему телу Церкви, но и к каждому верующему в отдельности. Однако спрашивается, откуда мы возьмем это различение? Те, кто отвечает, что Слово Божие есть правило, с которым следует сверять все произносимое людьми, говорят истину, однако не всю. Я согласен, что учения надо проверять Словом Божиим. Однако, если с нами не будет Духа мудрости, малополезным будет иметь под рукой Слово Божие, смысл которого в этом случае станет для нас неясным. Подобно тому, как золото проверяется огнем или лидийским камнем, но проверяют его лишь те, кто владеет соответствующим искусством. Неопытным же не помогут ни огонь, ни лидийский камень. Значит, чтобы мы стали подходящими судьями, нас необходимо наделить Духом различения. Поскольку же апостол напрасно заповедывал бы нам судить, если бы у нас не было для этого возможности, следует решительно сказать: благочестивые никогда не будут лишены Духа мудрости, насколько это им полезно, если будут просить Его у Господа. Однако Дух направит нас к истинному различению лишь тогда, когда мы покорим весь свой разум божественному Слову. Ибо Он (как было сказано) подобен лидийскому камню. Больше того, для нас Он много драгоценнее, ибо законным является лишь то учение, которое заимствовано от Него.

Но здесь встает трудный вопрос: если у отдельных людей имеется право и способность судить, никогда нельзя будет установить что-либо с несомненностью. И вся религия поколеблется. Отвечаю: есть два вида проверки учения – частная и публичная. Посредством частной проверки каждый удостоверяет собственную веру, дабы уверенно положиться на учение, зная, что оно исходит от Бога. Ведь только в Боге совесть может найти надежную и прочную опору. Публичная же проверка относится к общему согласию и *πολιτείαν* Церкви. Поскольку есть опасность появления фанатиков, дерзко претендующих на обладание Духом Божиим, необходимо, чтобы верующие собирались вместе в поисках основы благочестивого и правильного согласия. Впрочем, поскольку весьма справедлива древняя поговорка: сколько людей, столько и мнений, – несомненно, что только Бог может, усмирив всякое упорство, заставить нас придти к единению в истинной вере. Это – особая Его прерогатива.

Однако весьма глупы паписты, под этим предлогом считающие надежной истиной любые декреты соборов, поскольку Церковь однажды решила, что они исходят от Бога. Ведь, каким бы ни был обычный способ поиска согласия, а именно – созыв благочестивого священного собора, решающего споры ссылкой на Слово Божие, – Бог никогда не связывал нас постановлениями какого-либо собора. Из того, что сотня или больше епископов одновременно собрались в каком-то месте, не следует тут же, что они будут правильно призывать Бога и выводить от Него, что именно является истинным. Больше того, совершенно ясно, что они часто отходили от чистого Слова Божия. Значит и здесь необходима предписанная апостолом проверка: испытывать и различать всяческих духов.

2) *Узнавайте так.* Апостол формулирует здесь особый признак, дабы можно было лучше отличать истинных пророков от ложных. Хотя он лишь повторяет то, о чем мы читали выше: Христос, будучи целью, к которой стремится истинная вера, одновременно является камнем, о который претыкаются все еретики. Итак, пока мы пребываем во Христе, мы в безопасности. И как только мы от Него отходим, вера погибает, и всякая истина упраздняется.

Впрочем, не будем забывать, что именно содержит данное исповедание. Ведь исходя из слов апостола о том, что Христос *пришел*, мы выводим, что прежде Он был у Отца, чем подтверждается Его вечное божество. Говоря же, что Христос «пришел во плоти», апостол хочет сказать, что, облекшись плотью, Он стал истинным человеком, одинаковой с нами природы, дабы быть нашим братом, разве что свободным от всякого греха и тления. Наконец, касательно слова «пришел» следует отметить причину Его пришествия. Ибо воистину не напрасно послал Его Отец. От этого зависят служение и сила Христовы.

Значит, подобно тому, как древние еретики отпали от правой веры, отчасти отрицая божественную, отчасти человеческую природы во Христе, так и сегодня паписты хоть и признают Христа Богом и человеком, никак не придерживаются требуемого апостолом исповедания, поскольку лишают Христа присущей Ему силы. Ведь, выступая за свободную волю, заслуги дел, придуманные культы, удовлетворения, заступничество святых, разве оставляют они что-либо Христу? Значит апостол имеет в виду следующее: поскольку познание Христова заключает в себе итог благочестивого учения, нам, чтобы не впасть в заблуждение, всегда стоит пристально и непрестанно взирать на Христа. Действительно, Христос – это цель закона и пророков. И все, что мы узнаем из Евангелия, это – Его сила и благодать.

3) *Но это дух антихриста.* Апостол добавляет сказанное, дабы сделать еще отвратительнее мошенничество, уводящее нас от Христа. Мы уже говорили, что учение о царстве антихриста было тогда известным и общепринятым, дабы верующие стали осторожны, зная о будущем рассеянии Церкви. Итак, они справедливо

ужасались этого имени как бесславного и чудовищного. И апостол говорит теперь, что все, отрицающие Христа, суть члены этого царства. Он говорит, что дух антихриста «придет и теперь есть уже в мире», однако в разных смыслах. Ибо антихрист уже тогда находился в мире, обустроив тайну своего беззакония. Но, поскольку истину Божию еще не заглушили ложные поддельные догматы, суеверие еще не утвердилось, исказив истинное поклонение Богу, мир еще не отошел от Христа в преступном вероломстве, а тирания еще не вознесла голову, подавив царство Христово, — апостол и сказал, что антихрист еще придет.

4. Дети! вы от Бога, и победили их; ибо Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире. 5. Они от мира, потому и говорят по-мирски, и мир слушает их. 6. Мы от Бога; знающий Бога слушает нас; кто не от Бога, тот не слушает нас. По сему-то узнаем духа истины и духа заблуждения.

(4. Дети! Вы от Бога, и победили их; ибо Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире. 5. Они от мира, потому и говорят по-мирски, и мир слушает их. 6. Мы от Бога; знающий Бога слушает нас; кто не от Бога, тот не слушает нас. По сему-то узнаем духа истины и духа заблуждения.)

4) *Вы от Бога.* Ранее апостол говорил об одном антихристе. Теперь же упоминает о многих. Но множественное число относится здесь к лжепророкам, возникшим еще прежде, чем появился их глава. Далее, намерение апостола заключалось в том, чтобы воодушевить верующих, дабы те отважно и бестрепетно противостояли мошенникам. Ведь сражаться, сомневаясь в конечном исходе, сильно способствует уменьшению пылкости. Помимо этого, благочестивых могло бы испугать то обстоятельство, что, едва возникло Царство Христово, как тут же они видят полчища врагов, готовых на него обрушиться. Значит, каким бы упорным ни было предстоящее сражение, апостол говорит, что верующие уже победили, поскольку исход их дела будет счастливым. Он как бы говорит, что в гуще сражения верующие находятся вне опасности, ибо в будущем непременно победят.

И учение это следует распространить еще шире. Какие бы сражения мы ни вели против мира и плоти, они, несомненно, сопряжены с надежной победой. Нам предстоят жестокие и суровые битвы, одни атаки будут следовать за другими. Но, поскольку мы сражаемся силою Христовой, оснащены оружием Божиим, в сражении и труде мы все равно будем победителями. Что же касается контекста настоящего отрывка, то надо отметить содержащееся в нем великое утешение: с каким бы обманом ни приступал к нам сатана, мы все равно устоим в истине Божией.

Но подумаем также о тут же приведенной причине: ибо Тот, Кто в нас, *больше*, то есть, сильнее того, кто в мире. Ибо наша немощь такова, что, еще не схватившись с противником, мы уже оказываемся поверженными. Мы охвачены неведением и поэтому беззащитны для любого вида лжи. Сатана же — великий искусник в деле обмана. Если мы и выдержим один день, в наши души все равно вползет неуверенность в дне завтрашнем. Таким образом, мы будем мучиться постоянным беспокойством. Поэтому апостол учит нас, что сильны мы не собственной, а Божией силой. Отсюда он выводит, что победить нас можно не больше, чем победить Самого Бога, укрепляющего нас Своей силой до самого конца времен. Так что в деле нашей духовной брани нам надлежит постоянно помнить о следующем: с нами будет покончено, если мы станем сражаться собственными силами. Но, когда Бог при нашем бездействии Сам отражает атаки врагов, наша победа обеспечена всецело.

5) *Они от мира.* Немалое утешение слышать о том, что люди, дерзающие в нашем лице нападать на Бога, оснащены только мирским оружием. Апостол понимает здесь тот мир, князем которого является дьявол. Одновременно он приводит и другое утешение, говоря, что мир, принимая лжепророков, признает в них свое. Мы знаем, сколь сильно склонны люди к суеверию. Значит ложные учения будут легко проникать и широко распространяться. Апостол же отрицает, что мы должны из-за этого волноваться, ибо нет ничего нового в том, что мир, будучи сам полностью лжив, охотно слушает лжецов.

6) *Мы от Бога.* Хотя сказанное подходит ко всем благочестивым, в собственном смысле оно относится к верным евангельским служителям. Ведь апостол хвалится здесь духовным упованием, что он и его соратники искренне служат Богу, слыша из Его уст все, что проповедуют другим. Лжеапостолам также свойственно хвалиться, ведь им привычно обманывать людей, прикрываясь личиной набожности. Но верные учителя, проповедуя о себе лишь то, что выказывают самими делами, сильно от них отличаются.

Однако мы всегда должны помнить о том, в каких обстоятельствах писал тогда апостол. Благочестивые были немногочисленны, а неверие занимало почти весь мир. Немногие истинно следовали Евангелию, большинство же испытывало склонность к заблуждению. Отсюда возникала опасность соблазна, и Иоанн, дабы ее предупредить, велит нам довольствоваться этой немногочисленностью верующих, ибо все дети Божии воздают Богу честь, подчиняя себя Его учению. Апостол тут же добавляет противоположное утверждение: «кто не от Бога», не слушает чистое евангельское учение. Этими словами он хочет сказать, что огромная людская толпа, которой не нравится Евангелие, потому не слушает испытанных и законных слуг Божиих, что чужда Самому Богу. Итак, авторитет Евангелия ничуть не уменьшается оттого что его отвергают многие.

Но с этим учением связано также полезное увещание: послушанием веры мы доказываем свое происхождение от Бога. Нет ничего проще, чем претендовать на принадлежность Богу. Посему среди людей нет ничего более распространенного. Подобно этому и сегодня паписты горделиво называют себя почитателями Бога, и, между тем, не менее надменно отвергают Его Слово. Хотя они и прикидываются верующими в божественное Слово, но, когда доходит до конкретных дел, затворяют свой слух. Однако единственное свидетельство страха Божия состоит в том, чтобы чтить Его Слово. И неуместно также оправдание, которым многие обычно себя извиняют: они, мол, потому избегают предлагаемое им евангельское учение, что не способны судить о нем сами. Ибо невозможно, чтобы кто-то от сердца боящийся Бога и Ему повинующийся не признал Бога в Его же Слове.

Если же кто возразит, что многие избранные не сразу приходят к вере, и даже вначале упорно ей противятся, отвечаю: в указанное время их (с нашей точки зрения) не следует считать детьми Божиими. Впрочем, признак отверженного состоит именно в этом упорном отвержении истины. Попутно следует отметить: *слушание*, о котором говорит апостол, означает внутренне, искренне послушание сердца, состоящее в вере.

По сему-то узнаем. Относительное местоимение «сие» относится к двум предыдущим частям предложения. Апостол как бы говорит: истина отличается от лжи тем, что одни говорят от Бога, другие же от мира. Но я не согласен с мнением тех, которые под *духом истины и духом заблуждения* понимает самих слушателей, словно апостол говорит: те, кто позволяет мошенникам себя обманывать, рождены для заблуждения, имея в себе семя лжи; те же, кто соглашается со Словом Божиим, на этом примере доказывают свою истинность. Ведь апостол *μετῶντις* обозначает здесь духом учителей и пророков. Поэтому, думаю, он хочет сказать лишь то, что проверку учения надо сводить к двум перечисленным пунктам: происходит ли она от Бога, или от мира.

Но кажется, что, говоря таким образом, он не утверждает ничего определенного. Ибо все могут с легкостью заявить, что проповедают только от Бога. Так и сегодня паписты с учительской чванливостью претендуют на то, что все их измышления – речения Святого Духа. И Магомет говорит, что учение свое почерпнул не откуда-нибудь, а с самого неба. Даже египтяне некогда лгали, что им божественно открыт тот постыдный вздор, коим они оболванивали себя и других. На это я отвечу, что у нас есть Слово Божие, с которым надо сверяться прежде всего. Значит, если лживые духи ссылаются на имя Божие, справедливость их притязаний надлежит проверить Священным Писанием. И если усердие наше благочестиво, сопряжено со смирением и скромностью, с нами пребудет Дух различения, толкующий Себя же, говорящего в Писании, как самый добросовестный толкователь.

7. Возлюбленные! будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. 8. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь. 9. Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него. 10. В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши.

(7. Возлюбленные! Будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. 8. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь. 9. Любовь Божия в нас открылась в том, что Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы жили через Него. 10. В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши.)

7) *Возлюбленные.* Апостол снова возвращается к увещанию, которому посвящает почти все послание. Мы уже говорили, что оно составлено из учения веры и призыва к любви. Апостол настаивает на этих двух пунктах и порой внезапно переходит от одного к другому. Расхваливая перед нами *любовь друг к другу*, он не имеет в виду, что мы исполнили свой долг, если взаимно любим друзей за то, что они сами нас любят. Но, обращаясь ко всем верующим, он не мог выразиться иначе, нежели призвав их к взаимной любви. Данное утверждение апостол доказывает доводом, который уже несколько раз приводил: никто не докажет свое божественное сыновство, если не полюбит ближнего; а также: истинное познание Бога с необходимостью порождает в нас любовь. Этому утверждению апостол по своему обыкновению противопоставляет вторую часть предложения: там, где не царит любовь, нет никакого познания Бога. Главный принцип, из которого он исходит, состоит в том, что Бог есть любовь, то есть, Бог любит людей по своей природе.

Знаю, что многие философствуют здесь более утонченно. Многие, и особенно древние, злоупотребляли этим местом, чтобы доказать божество Святого Духа. Но смысл у апостола весьма простой: поскольку Бог есть источник любви, везде, куда доходит Его познание, Он внушает и распространяет данное чувство. Подобно этому, ранее апостол называл Бога светом, поскольку в Нем нет ничего темного, и Он озаряет все Собственным сиянием. Итак, здесь идет речь не о сущности Божией, а о том, каким образом Бог ощущается нами. Впрочем, в словах апостола надо отметить две вещи: истинное познание Божие возрождает и обновляет нас, дабы мы стали новой тварью. Кроме того, невозможно, чтобы познание это не сообразовывало нас с Богом. Итак, пусть умолкнут глупые выдумки о бесформенной вере. Ведь тот, кто отделяет веру от любви, подобен человеку, отделяющему жар от солнца.

9) *Открылась в том.* У любви Божией к нам имеются и другие доказательства. Ведь, если спросить, почему создан мир, почему нас поселили в нем для господства над землею, почему нас сохраняют в этой жизни для наслаждения бесчисленными благами, почему нам дана надежда на лучшую жизнь, почему нас одарили светом и разумением, – ответом на все эти вопросы служит лишь незаслуженная нами любовь Бога. Однако апостол главный ее образчик видит в том, что весьма превосходит все прочее. Ибо то, что Бог не пощадил Собственного Сына, но Его смертью возвратил нас к жизни, говорит не только о безмерности Его любви, но и о более, чем чудной благодати, от которой наш разум должен прийти в восхищение. Значит, Христос – настолько яркое и особое свидетельство божественной к нам любви, что всякий раз, как мы на Него смотрим, Он ясно подтверждает для нас учение о том, что Бог есть любовь.

Слово же «Единородный» только усиливает смысл. Ибо Бог еще яснее показал неповторимость Своей любви в том, что ради нас послал на смерть Единородного Сына. Между тем, Тот, Кто по природе есть Единственный Сын, по благодати и усыновлению делает сынами многих, всех, кого прививает через веру к Собственному телу. Апостол указывает на цель, ради которой Христос был послан от Отца: дабы мы имели через Него жизнь. Ведь вне Христа мы все совершенно мертвы. Христос же приносит нам жизнь через Свое пришествие. И если нам не мешает неверие, мы непременно ощущаем в себе воздействие Его благодати.

10) *В том любовь.* Апостол подчеркивает любовь Божию еще одним доводом: Бог дал нам Своего Сына в то время, когда мы были еще Его врагами, – как и Павел учит в Послании к Римлянам, 5:8. Однако Иоанн использует другие слова: Бог, не понуждаемый никакой любовью со стороны людей, Сам добровольно их возлюбил. Этими словами он хочет сказать, что любовь Божия к нам была незаслуженна. Хотя намерение апостола заключается прежде всего в том, чтобы замысел Божий стал для нас примером для подражания, не следует пренебрегать и содержащимся в его словах учением веры. Бог возлюбил нас по благодати. Почему? Потому, что сделал это до того, как мы родились. Кроме того, потому, что из-за природной испорченности наше сердце отвлечено от Бога и никак не склонно к добрым благочестивым чувствам.

Если бы имела место утонченность папистов, что Бог избрал каждого сообразно тому, что предвидел его достойным любви, разрушилось бы учение о том, что Бог возлюбил нас первым. Ибо тогда наша любовь к Богу по порядку была бы первой, хотя по времени и второй. Но апостол опирается здесь на общепризнанную аксиому Писания, которую не знают эти скверные софисты: мы рождаемся настолько порочными и дурными, что в нас присутствует как бы врожденная ненависть к Богу, и мы желаем лишь того, что Ему не угодно, и все пожелания нашей плоти ведут с Его праведностью постоянную войну.

И послал Сына. Значит, от благодати Божией, как из Своего источника, притекает к нам Христос со всеми Своими благами. Необходимо знать и следующее: мы обладаем спасением во Христе потому, что нас добровольно возлюбил Небесный Отец. Таким образом, если надо обрести уверенность в надежности и полноте божественной к нам любви, взирать следует не куда-либо, а на Христа. Посему к погибели своей безумствуют те, кто, забыв о Христе, исследуют постановленное о них в тайном совете Божиим.

Далее, апостол еще раз показывает причину пришествия Христова и Его служение, говоря, что Он был послан стать умиловителем за наши грехи. Во-первых, эти слова учат нас, что все мы грехами своими отчуждены от Бога, и вражда эта остается до тех пор, пока не вступится примиряющий нас Христос. Во-вторых, нас учат: начало нашей жизни в том, что Бог, умиловителем смертью Собственного Сына, принимает нас в Свою благодать. Ибо слово «умиловитель» в собственном смысле говорит о жертвоприношении через смерть. Итак, мы видим, что честь изгладить грехи и устранить вражду между нами и Богом причисляется одному лишь Христу.

Но здесь возникает некая видимость противоречия. Если Бог возлюбил нас прежде, чем Христос пошел ради нас на смерть, зачем было нужно новое примирение? Таким образом, смерть Христова может показаться излишней. Отвечаю: слова о том, что Христос умиловителем к нам Отца, приспособлены к нашему восприятию. Ибо, сознавая за собой зло, мы можем помыслить Бога лишь разгневанным и оскорбленным, доколе Христос не избавит нас от вины. Ведь Бог везде, где только появляется грех, внушает ощущение Собственного гнева и осуждения на вечную смерть. Отсюда следует: мы можем лишь терзаться чувством грозящей нам смерти, доколе Христос не упразднит грех Собственной смертью и не избавит нас от смерти ценою Своей Крови. Кроме того, любовь Божия требует праведности. Значит, чтобы убедить нас в божественной к нам любви, необходимо прийти ко Христу, в Котором одном мы обретаем надежную праведность.

Теперь мы видим, что разница в выражениях, встречающаяся в Писании сообразно разным взглядам на одну и ту же истину, наиболее уместна и полезна для нашей веры. Бог потому послал Своего Сына для примирения нас с Собою, что прежде возлюбил нас. Но любовь эта оставалась сокрытой, потому что тогда мы были врагами Богу, постоянно вызывая к себе Его гнев. Кроме того, страх и боязнь, связанные с недоброй совестью, лишали нас всякого вкуса к жизни. Значит, с точки зрения нашей веры Бог начал любить нас только во Иисусе Христе. Хотя апостол рассуждает здесь о раз совершенном примирении, будем знать, что изглаживать грехи и примирять нас с Богом – постоянное благодетельство Христово. И паписты отчасти с этим соглашались. Но потом они уничтожают эту благодать и делают ее почти никчемной, придумывая свои сатисфак-

ции. Но если люди искупают себя ценою собственных дел, Христос уже не будет единственным умилоствлением, как зовет Его здесь Иоанн.

11. Возлюбленные! если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга. 12. Бога никто никогда не видел. Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас. 13. Что мы пребываем в Нем и Он в нас, узнаем из того, что Он дал нам от Духа Своего. 14. И мы видели и свидетельствуем, что Отец послал Сына Спасителем миру. 15. Кто исповедует, что Иисус есть Сын Божий, в том пребывает Бог, и он в Боге. 16. И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем.

(11. Возлюбленные! Если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга. 12. Бога никто никогда не видел. Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас. 13. Что мы пребываем в Нем и Он в нас, узнаем из того, что Он дал нам от Духа Своего. 14. И мы видели и свидетельствуем, что Отец послал Сына Спасителем миру. 15. Кто исповедует, что Иисус есть Сын Божий, в том пребывает Бог, и он в Боге. 16. И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем.)

11) *Возлюбленные.* Теперь апостол приспособляет к своему намерению то, что ранее говорил о незаслуженной божественной любви, а именно: он поощряет нас к братской любви, ставя нам в пример Самого Бога. Как и Павел указывает нам на Христа (Еф.5:2), принесшего Себя Отцу в жертву благоухания, дабы каждый из нас посвятил себя служению братьям. Иоанн же увещевает, что наша любовь не должна быть любовью наемников, наставляя нас любить ближних так, как возлюбил нас Бог. Ибо нам следует подражать незаслуженному характеру проявленной к нам любви. Действительно, там, где мы преследуем собственную выгоду или воздаем друзьям добром за добро, имеет место любовь к себе, а не любовь самоотдачи.

12) *Бога никто никогда не видел.* Те же самые слова стоят в первой главе Евангелия от Иоанна. Но говорящий их Иоанн Креститель преследовал несколько иную цель. Он только хотел сказать, что Бога можно познать лишь постольку, поскольку Он являет Себя в лице Иисуса Христа. Здесь же апостол распространяет данное учение шире. Силу Божию мы постигаем верою и любовью. Из них мы узнаем о своем сыновстве и о том, что в нас обитает Бог.

Но прежде апостол говорил о любви, уча, что *Бог в нас пребывает*, если мы взаимно друг друга любим, поскольку любовь Его в нас является совершенной, то есть, истинно подтвержденной. Апостол как бы говорит: Бог выставляет Себя словно присутствующим в нас, когда Духом Своим направляет наши сердца к братской любви. В том же смысле он повторяет и сказанное им ранее: мы узнаем, что в нас обитает Бог, от Духа, Которого Он нам дал. А это – подтверждение предыдущей фразы: ибо любовь есть следствие Святого Духа. Значит, итог таков: поскольку любовь происходит от Духа Божия, истинно и искренне можно любить братьев лишь тогда, когда Дух выказывает в нас Свою силу. Таким образом, Он и свидетельствует о том, что в нас живет. Далее, Бог обитает в нас посредством Собственного Духа. Значит, любовь подтверждает, что мы обладаем пребывающим в нас Богом. Наоборот, всякий претендующий на то, что имеет Бога, и не любящий братьев, опровергает свое пустословие тем, что отрывает Бога от Самого Себя.

Говоря же: «и любовь Его совершенна», – апостол посредством союза указывает здесь на причину. Любовь же Божию можно истолковывать двояко: или как ту, которую мы к Нему испытываем, или как ту, которую Он в нас влагает. Фразы же «Бог дал нам Своего Духа» и «дал от Своего Духа» означают одно и то же. Ведь, как мы знаем, Дух каждому дается в определенной мере.

14) *И мы видели.* Теперь апостол излагает вторую часть познания Бога, о которой мы говорили ранее. Бог сообщает Себя нам и дает Себя нам для наслаждения в лице Собственного Сына. Отсюда следует, что все это мы воспринимаем верою. Ибо апостол хочет сказать следующее: верою и любовью мы соединяемся с Богом, Он воистину в нас живет, и Тот, кого невозможно увидеть иначе, делает Себя в некоем смысле видимым проявлением Собственной силы. Говоря же: «видели и свидетельствуем», – Иоанн имеет в виду себя и остальных апостолов. Видение он понимает не какое угодно, а то, которое соединено с верою, дабы люди признали во Христе божественную славу. Согласно сказанному далее: «послал Сына Спасителем миру». А это знание проистекает из озарения Святым Духом.

15) *Кто исповедует.* Апостол повторяет аксиому: мы соединяемся с Богом через Христа, и не можем соединиться со Христом без того, чтобы в нас обитал Бог. Слова же «вера» и «исповедание» повсеместно используются в одном и том же смысле. И хотя лицемеры лживо претендуют на обладание верой, апостол признает исповедниками лишь тех, кто верит истинно и от всего сердца. Кроме того, словами *что Иисус есть Сын Божий* апостол кратко подытоживает всю христианскую веру. Ибо все необходимое для спасения наша вера обретает лишь во Христе.

Впрочем, ранее сказав в целом, что люди верою прививаются ко Христу, дабы Он соединил их с Богом, апостол добавляет, что они видели сами, дабы приспособить общее положение к своим читателям. Затем следует ободряющая фраза, дабы верующие возлюбили других, как их самих возлюбил Бог. Посему контекст отрывка следующий: вера Христова содействует так, что Бог пребывает в людях. Но именно мы и участвуем в

этой благодати. Далее, поскольку Бог есть любовь, никто не может в Нем пребывать, если не любит своих братьев. Значит, когда Бог соединяется с нами, в нас необходимо должна царствовать любовь.

16) *Познали ... и уверовали.* Апостол как бы говорит: мы познали, уверовав. Ибо такое знание воспринимается только верой. Отсюда мы выводим, сколь сильно отстоит от веры нетвердое и колеблющееся мнение. Далее, желая приспособить сказанное к своим слушателям, апостол, как я уже говорил, по-разному определяет сущность веры. Ранее он сказал: кто верует, что Иисус есть Сын Божий, – теперь же говорит: верою познаем мы любовь Божию к нам. Отсюда явствует: во Христе мы постигаем отеческую любовь Бога, и во Христа твердо веруют лишь те, кто признает себя чадом Божиим по Его благодати. Ибо Отец для того ежедневно предлагает нам Сына, чтобы в Нем усыновить нас Себе.

Бог есть любовь. Это как бы меньшая посылка силлогизма. Апостол выводит из веры любовь и рассуждает так: Бог обитает в нас через веру, но Бог есть любовь, следовательно, везде, где пребывает Бог, надлежит процветать и любви. Отсюда следует, что любовь необходимо соединена с верою.

17. *Любовь до того совершенства достигает в нас, что мы имеем дерзновение в день суда, потому что поступаем в мире сем, как Он. 18. В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви.*

(17. *Любовь в том совершенства достигает в нас, что мы имеем упование в день суда, потому что существуем в мире сем, как Он. 18. В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви.*)

17) *Любовь до того совершенства.* Этот отрывок состоит из двух частей. В первой говорится, что мы причастны божественному усыновлению, когда относимся к Богу, как дети к отцу. Во второй сказано, что упование – это бесценное благо, ибо без него мы воистину несчастны. Итак, вначале апостол показывает, с каким условием Бог принял нас в Свою любовь, и как нам наслаждаться той благодатью, которую Он являет нам во Христе. Значит, в этом месте любовь Божия понимается как любовь, проявленная к нам. Апостол называет ее совершенной, поскольку она изливается на нас изобильно и действительно дарована, не имея никакого изъяна. Впрочем, он утверждает, что благу этому причастны лишь те, кто доказывает делами, что является чадом Божиим и сообразным Богу. Итак, довод основан здесь на взаимосвязи.

Мы имеем дерзновение. Теперь апостол начинает показывать плод явленной к нам божественной любви. Хотя затем он показывает это еще яснее, рассуждая от противного. Но воистину бесценно счастье, состоящее в том, что мы дерзаем бестрепетно стоять пред лицом Божиим. Ибо по природе мы боимся лицемерия Бога, и вполне заслуженно. Поскольку Он является судьей мира, а нас делают виновными наши же грехи, как только мы думаем о Боге, нам с необходимостью приходит на ум также помышление об аде и смерти. Отсюда и боязнь, о которой я говорил выше, заставляющая людей из всех сил избегать Бога. Иоанн же говорит, что верующие не трепещут, когда упоминается об этом последнем суде, но спокойно и открыленно приступают к судилищу Божию, ибо твердо убеждены в Его отеческой к себе любви. Итак, каждый лишь настолько преуспел в вере, насколько привык с душевным спокойствием ожидать дня суда.

Как Он. Этими словами (как было уже сказано) апостол намекает, что от нас, в свою очередь, требуется носить в себе божественный образ. Итак, Каков Бог на небе, такими же он велит нам быть на земле, дабы мы считались детьми Божиими. И образ Божий, проявляясь в нас, есть как бы печать Его усыновления. Однако, кажется, что часть упования апостол основывает на делах. Посему паписты поднимают здесь голову, словно Иоанн отрицает, что мы, опираясь на одну лишь благодать Божию, можем твердо уповать на спасение, если нам не помогают наши дела. Но они ошибаются в том, чего не могут понять: апостол рассуждает здесь, исходя не из причины, а из взаимосвязи. Мы охотно согласимся с тем, что никто не примиряется с Богом через Христа, если одновременно не обновится в божественный образ, так что одно нельзя отделять от другого. Итак, апостол справедливо лишает упования на милость тех, в ком не заметно никакой схожести с Богом. Несомненно, что такие чужды и Духа Божия и Христа. Мы также не отрицаем, что обновление жизни, будучи следствием божественного усыновления, способно укрепить наше упование, но лишь как вторичное вспомоществование. Полагаться же нам нужно только на божественную благодать. В противном случае учение Иоанна будет само себе противоречить. Ведь опыт показывает, и это вынуждены признать даже паписты, что в делах всегда имеется повод для страха. Посему, спокойно приступит к судилищу Божию лишь тот, кто решит, что Бог любит его незаслуженно.

Однако не следует удивляться тому, что паписты ничего из этого не понимают. Ведь они, несчастные, знают лишь про веру, смешанную с сомнением. Добавь к этому, что лицемерие затмевает их разум, так что они не думают серьезно о том, сколь страшен божественный суд, где Христос не присутствует в качестве Посредника. Есть и другие люди, отвергающие как баснословное воскресение плоти. Мы же, чтобы выйти навстречу Христу радостными и окрыленными, должны утверждать нашу веру на одной лишь Его благодати.

18) *В любви нет страха.* Теперь апостол хвалит преимущество этого блага, исходя из его противоположности. Он говорит, что мы постоянно мучаемся, доколе Бог не избавит нас от горестных терзаний лекарством Своей любви. Итог таков: поскольку нет ничего грустнее, чем мучиться постоянным беспокойством, мы

достигнем свободы от страха и спокойствия, если осознаем божественную к нам любовь. Отсюда явствует, сколь необычно благодеяние Божие, состоящее в том, что Он удостоивает нас Своей любви. Далее, из этого учения апостол выводит ободряющее увещание. Но, прежде чем ободрить нас к исполнению нашего долга, он расхваливает перед нами дар Божий – дар изгнания страха посредством веры.

Знаю, что данное место многие толкуют по-другому. Но я говорю о том, что именно хотел сказать апостол, а не о том, что думают другие. Они говорят, что в любви нет страха, поскольку, если мы добровольно любим Бога, то не понуждаемся силой и страхом к послушанию Ему. Значит, согласно им рабский страх здесь противопоставляется добровольному почитанию. Отсюда и возникло различие между рабским и сыновним страхом. Я признаю истинным то, что, когда мы свободно любим Бога как Отца, то не понуждаемся более боязнью наказания, однако это учение никак не связано с настоящим отрывком. Апостол учит здесь лишь следующему: там, где мы увидели и познали верою любовь Божию, нашей совести дается мир, так что она более не тревожится.

Но можно спросить: когда именно совершенная любовь изгоняет страх? Ведь, вкусив только малую толику божественной к нам любви, мы никогда полностью не избавимся от страха. Отвечаю: хотя страх и не исчезает полностью, когда мы прибегаем к Богу, как к спокойной гавани, защищающей нас от опасности кораблекрушения и шторма, страх воистину изгоняется, поскольку дает место вере. Значит, страх изгоняется не в том смысле, что больше не беспокоит наши души, но в том, что больше не мучает их и не мешает миру, обретенному через веру.

В страхе есть мучение. Здесь апостол продолжает возвеличивать благодать, о которой ведет речь. Поскольку нет ничего горестнее, чем терпеть постоянные мучения, нет также ничего желаннее, чем с успокоенной совестью и душевным равновесием предстать перед взором Божиим. То же, как толкуют это место другие, – рабы боятся потому, что видят перед собой наказания и розги, исполняя свой долг только под принуждением, – никак не связано с мыслью апостола. Также мало соответствует контексту их толкование следующей фразы: боящийся не совершен в любви, поскольку покоряется Богу не добровольно и охотно от Него бы ушел. Скорее апостол учит иному: порок неверия состоит именно в том, что кто-либо боится, то есть, беспокоится в своей душе. Ведь любовь Божия, будучи правильно познанной, безусловно успокаивает души.

19. Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас. 20. Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит? 21. И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего.

(19. Мы любим Его, потому что Он прежде возлюбил нас. 20. Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить? 21. И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего.)

19) *Будем любить.* Глагол *ἀγαπᾷμεν* можно прочесть как в изъявительном, так и в сослагательном наклонении. Но первый вариант больше соответствует контексту. На мой взгляд, апостол повторяет предыдущее утверждение: поскольку Бог предварил нас Своей незаслуженной любовью, нам надлежит ответить Ему взаимностью. И добавляет тут же, что Бога следует любить в людях и свидетельствовать людям, какую мы испытываем к Нему любовь. Если же кому-то понравится сослагательное наклонение, речь апостола не изменит своего смысла: поскольку Бог возлюбил нас даром, теперь мы должны взаимно Его полюбить.

Но любовь эта не может существовать без того, чтобы породить в нас любовь к братьям. Посему апостол говорит, что лгут те, кто хвалится любовью к Богу, ненависть при этом ближних. Но, кажется, что приведенный апостолом довод весьма шаток. Он основан на сравнении меньшего с большим. Если мы, – говорит апостол, – не любим ближних, с которыми живем, мы, тем более, не можем любить невидимого для нас Бога. Однако на это можно возразить двояко. Ведь любовь, которую мы испытываем к Богу, проистекает от веры, а не от видения, как сказано в 1Пет.1:8. Кроме того, Бог весьма отличен от людей. В то время как Бог вызывает в нас любовь к Себе Своей же благостью, люди часто бывают достойными ненависти. Отвечаю: апостол, с чем мы должны без сомнения согласиться, принимает здесь за данность следующее положение: Бог предлагает Себя нам в лице людей, носящих запечатленный в себе божественный образ, и требует от нас оказывать им услуги, в которых Сам Он не нуждается, как мы читаем о том в Пс.15:2-3: *блага мои Тебе не нужны; к святым, которые на земле, к ним все желание мое.* Действительно, общность одной природы, совместное использование стольких вещей, взаимное общение непременно вызовут в нас любовь к ближним, если мы полностью не окаменели. Но Иоанн хочет лишь одного. Он объявляет ложными притязания тех, которые, говоря, что любят Бога, не любят Его видимый образ.

21) *И мы имеем.* Еще более весомый довод, основанный на авторитете и учении Христовом. Ведь Он заповедовал нам не только любовь к Богу, но и любовь к братьям. Посему надо начинать с любви к Богу, но так, чтобы затем распространить ее и на людей.

Глава 5

1. Всякий верующий, что Иисус есть Христос, от Бога рожден, и всякий, любящий Родившего, любит и Рожденного от Него. 2. Что мы любим детей Божиих, узнаем из того, когда любим Бога и соблюдаем за-

поведи Его. 3. Ибо это есть любовь к Богу, чтобы мы соблюдали заповеди Его; и заповеди Его нетяжки. 4. Ибо всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, вера наша. 5. Кто побеждает мир, как не тот, кто верует, что Иисус есть Сын Божий?

(1. Всякий верующий, что Иисус есть Христос, от Бога рожден, и всякий, любящий Родившего, любит и рожденного от Него. 2. Что мы любим детей Божиих, узнаем из того, когда любим Бога и соблюдаем заповеди Его. 3. Ибо это есть любовь к Богу, чтобы мы соблюдали заповеди Его; и заповеди Его нетяжки. 4. Ибо все, рожденное от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, вера ваша. 5. Кто побеждает мир, как не тот, кто верует, что Иисус есть Сын Божий?)

1) *Всякий верующий.* Еще один довод, с помощью которого апостол доказывает связь между верой и братской любовью. Поскольку Бог возрождает нас верою, мы с необходимостью любим Его как Отца. Но любовь эта охватывает также всех его детей. Итак, веру нельзя отделять от любви.

Первое положение таково: все, верующие, что Иисус есть Христос, рождены от Бога. Отсюда еще раз видно, что объект нашей веры заключен в одном лишь Христе. Ведь она находит в Нем праведность, жизнь, все желанные для нас блага, и даже Самого Бога. Посему мы истинно веруем тогда, когда устремляем ко Христу весь наш разум. Впрочем, верить, что Иисус есть Христос, означает ожидать от Него все, что обещано относительно Мессии. Ибо здесь Христу приписывается не голый титул, но служение, порученное Ему от Отца. Подобно тому, как в законе через Мессию обещано полное восстановление всего, праведность и счастье, так и сегодня все вышеперечисленное яснее излагается в Евангелии. Значит, Иисус может считаться Христом лишь тогда, когда у Него просят спасения, ибо Он послан и ежедневно предлагается нам Отцом именно для этой цели.

Отсюда апостол справедливо объявляет рожденными от Бога всех, кто истинно верует. Поскольку же вера превышает способности человеческой природы, ко Христу нас может привлечь только Небесный Отец. Ведь никто никогда не придет к Нему собственными усилиями. Тому же самому апостол Иоанн учит в своем Евангелии 1,13: не от крови, ни от хотения плоти, но от Бога родились. И Павел (1Кор.2:12) говорит, что мы наделены не духом мира сего, но Духом от Бога, чтобы знать дарованное нам Богом. Ведь ни глаз не видел, ни ухо не слышало, не чувство не восприняло той награды, которая приготовлена любящим Бога. И один лишь Дух постигает эту тайну. Кроме того, поскольку Христос дан нам ради освящения и приносит с Собой Дух возрождения, наконец, поскольку Он прививает нас к Своему телу, мы видим еще один довод, почему веру может иметь только рожденный от Бога.

Любит и Рожденного от Него. Августин и некоторые другие древние отцы относили сказанное ко Христу. Но они ошибались. Ведь апостол в единственном числе разумеет здесь всех верующих. И контекст ясно показывает: намерение его состояло лишь в том, чтобы из веры, как из источника, вывести необходимость взаимной братской любви. Довод здесь основан на общем природном порядке, но то, что относится к людям, апостол переносит на Бога. Следует отметить, что апостол ведет речь не об одних верующих, как бы упуская из вида чужих. Будто бы любить надо только первых, а о вторых никак не заботиться. Но, приказывая нам начинать с благочестивых, он воспитывает нас, как новичков, желая научить любить всех без исключения.

2) *Узнаем из того.* Здесь апостол показывает, что такое истинная любовь. Это – любовь, относящаяся к Богу. До этого он учил, что любовь к Богу присутствует лишь там, где любят также и ближних, ибо второе – неизменное следствие первого. Теперь же он учит, что людей правильно любят лишь тогда, когда первое место отводят Богу. Такое определение любви весьма необходимо. Ибо часто бывает, что людей мы любим безотносительно к Богу. Так мирская и плотская дружба существует лишь для личной выгоды и прочих никчемных целей. Значит, как прежде апостол настаивал на следствии любви к Богу, так и теперь он настаивает на причине любви к ближнему. Он хочет, дабы мы лелеяли взаимную любовь друг к другу, но так, чтобы первое место отводили Богу.

С любовью к Богу апостол связывает соблюдение заповедей, и вполне заслуженно. Поскольку Бога мы любим как Господа и Отца, с этой любовью с необходимостью должно соединяться почтение. Кроме того, Бога нельзя отделять от Самого Себя. Поскольку же Он – источник всякой праведности и святости, любящий его обязательно должен обуздывать свои чувства ради послушания праведности. Итак, любовь к Богу вовсе не является праздной. Но из этого места мы также узнаем способ истинного соблюдения закона. Ведь, если мы слушаемся Бога только понуждаемые страхом, мы далеки от истинного послушания. Значит, первое дело – посвятить сердца Богу в добровольном послушании, а потом – сообразовать свою жизнь с правилом закона. Это и хотел сказать Моисей, когда, подводя итог закону, произнес: Израиль, что же просит от тебя Господь Бог твой, кроме того, чтобы ты любил Его и слушался Его?

3) *И заповеди Его нетяжки.* Это добавлено для того, чтоб трудность исполнения заповедей не охладила, как обычно бывает, наше усердие. Ведь те, кто окрылено и пылко начинает святую и благочестивую жизнь, затем, узнав о собственной немощи, становятся лентяями. Посему Иоанн для пробуждения в нас старания говорит, что заповеди Божии вовсе не тяжелы. Однако здесь можно возразить и сказать, что мы по опыту знаем совсем другое. И Писание также свидетельствует, что закон – воистину невыносимое бремя (Деян.15:10).

Причина этого ясна: поскольку прелюдией к исполнению закона является отречение от самого себя, скажем ли мы, что человеку легко от себя отречься? Больше того, поскольку закон духовен (как учит Павел, Рим.7:14), мы же не что иное, как плоть, между нами и законом Божиим с необходимостью возникает вражда. Отвечаю: данная трудность происходит не от природы закона, но от порочности нашей плоти. Об этом также ясно говорит Павел, ибо, сказав, что закон не мог принести нам праведность, он тут же вину за это возлагает на плоть.

И Павлово решение вопроса прекрасно согласуется с мнением Давида, на первый взгляд полностью противоположным. Павел называет закон служителем смерти (2Кор.3:7), говорит, что он производит только гнев Божий, дан ради умножения греха и живет, чтобы убивать нас. Давид же, напротив, проповедует закон сладким паче меда и более желанным, чем золото (Пс.18:11). Среди прочих похвал закону Давид говорит следующее: закон веселит сердца, обращает к Господу и животворит. Но Павел сравнивает закон с порочной человеческой природой. От нее и происходит отчаянная вражда с законом. Давид же учит тому, что чувствуют люди, которых Бог возродил Своим Духом. От Него происходят эта сладость и наслаждение, которые никак не может вкусить плоть. Иоанн не упускает из вида это различие, и чтобы никто не понял фразу *заповеди Его нетяжкие* в общем смысле, ограничивает сказанное детьми Божиими. Этим он хочет сказать следующее: то, что повиновение Богу не тяжело и не изнурительно для нас, происходит силою Святого Духа.

Но вопрос еще не кажется решенным полностью. Ведь верующие, как бы ни управлялись Духом Божиим, ведут жестокие сражения с собственной плотью. И, как бы они ни старались, едва ли даже наполовину исполняют свой долг. Больше того, как бы поставленные между святилищем и камнем, они почти изнемогают под бременем закона. Мы видим, как Павел вздыхает о своем плене и несчастье, поскольку не может свободно служить Богу. На это я отвечаю следующее: закон зовется легким постольку, поскольку, наделенные небесной силой, мы побеждаем похоти плоти. Ведь как бы плоть ни упиралась, все же верующие чувствуют: ничто не улаживает их так, как повиновение Богу.

Кроме того, следует отметить, что Иоанн говорит не просто о законе, содержащем одни лишь заповеди, но о законе, соединенном с отеческим снисхождением Бога, смягчающим его суровость. Значит, знание о том, что Господь милостиво прощает нас, если наши дела не удовлетворяют закону, делает нас более пылкими в его соблюдении. Подобно тому, как сказано в Псалме 129:4: *но у Тебя прощение, да благоговеют пред Тобою*. Итак, легкость в соблюдении закона происходит оттого что верующие, поддержанные милостью, хоть и тяготятся, но не падают духом. Между тем апостол учит, что нам для служения Богу надо постоянно сражаться, ибо нам противостоит весь мир, не позволяя идти туда, куда зовет Бог. Значит, закон Божий будет соблюдать лишь тот, кто отважно сопротивляется миру.

4) *И сия есть победа*. Ранее апостол говорил, что все, рожденные от Бога, победили мир, теперь же он объясняет, каким образом достигается эта победа. Ведь можно было спросить: откуда именно эта победа происходит? Поэтому апостол ясно называет веру победой над всем миром.

Замечательное место. Хотя сатана продолжает нападать на нас жестоко и свирепо, Дух Божий, возвещая нам, что мы находимся в безопасности, воодушевляет нас отважно сражаться, оставив всякий страх. И прошедшее время здесь более выразительно, чем было бы настоящее или будущее. Апостол говорит, что мы уже победили, дабы мы были уверены в этом настолько, как если бы враг уже лежал поверженным. Тем не менее, наша брань должна продолжаться всю жизнь, ежедневно происходят какие-то стычки, больше того, в каждое мгновение враг атакует нас с разных сторон, всякий раз новым и неожиданным образом. Но, поскольку Бог вооружает нас не на один лишь день, и вера наша длится не одни лишь сутки, представляя собой постоянную работу Святого Духа, мы до такой степени являемся победителями, как если бы битва уже закончилась. И упование это не ввергает нас в оцепенение, напротив, мы всегда наготове и рвемся в бой. Ибо Господь велит Своим людям быть уверенными, но при этом не хочет их самоуспокоенности. Скорее, Он возвещает им победу для того, чтобы они сражались еще воодушевленное и отважнее.

Слово «мир» здесь понимается в широком смысле. Оно включает в себя все, противоположное Духу Божию. Так частью этого мира является порочность нашей природы. А также все похоти, все хитрости сатаны, все, что уводит нас от Бога. При столь великом собрании врагов, нам постоянно угрожает огромное полчище. И мы, еще не встав в строй, оказались бы побежденными тысячу раз, и ежедневно тысячу раз терпели бы поражение, если бы Бог не обещал нам несомненную победу. Но Бог ободряет нас к сражению тем, что еще прежде обещает эту победу. Впрочем, как обетование это постоянно укрепляет нас непобедимой божественной силой, так же оно сводит на нет силу врага. Ибо апостол не только учит, что Бог подкрепляет нас, дабы, укрепившись Его помощью, мы были способны противостоять, но и приписывает нашу победу одной лишь вере. Вера же получает извне то, с помощью чего побеждает врага. Посему тот, кто воспевает хвалу собственным силам, отнимает у Бога Ему принадлежащее.

5) *Кто побеждает мир*. Обоснование предыдущего утверждения. Ибо крепость мы заимствуем у Христа, как о том говорит Павел (Фил.4:13): *все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе*. Значит, сатану и мир победит лишь тот, лишь тот не покорится своей плоти, кто, отчаявшись в себе, станет уповать только на си-

лу Христову. Ибо слово «вера» подразумевает живое принятие Христа, сообщающее нам Его силу и плоды Его служения.

6. Сей есть Иисус Христос, пришедший водою и кровию и Духом, не водою только, но водою и кровию, и Дух свидетельствует о Нем, потому что Дух есть истина. 7. Ибо три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святый Дух; и Сии три суть едино. 8. И три свидетельствуют на земле: дух, вода и кровь; и сии три об одном. 9. Если мы принимаем свидетельство человеческое, свидетельство Божие – больше, ибо это есть свидетельство Божие, которым Бог свидетельствовал о Сыне Своем.

(6. Сей есть Иисус Христос, пришедший через воду и кровь, не в воде только, но в воде и крови, и Дух есть Тот, Кто свидетельствует, потому что Дух есть истина. 7. Ибо три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святый Дух; и Сии три суть едино. 8. И три свидетельствуют на земле: дух, вода и кровь; и сии три об одном. 9. Если мы принимаем свидетельство человеческое, свидетельство Божие – больше, ибо это есть свидетельство Божие, которым Бог свидетельствовал о Сыне Своем.)

6) *Сей есть.* Дабы вера наша спокойно уповала на Христа, апостол говорит, что в Нем находится истинная суть образов закона. Я не сомневаюсь, что, говоря о воде и крови, он намекает на древние законнические обряды. Сюда же относится и приводимое им сравнение: дабы мы не только знали, что закон Моисея упразднен пришествием Христовым, но и искали во Христе исполнение всего, что некогда изображали обряды. Хотя имелись многие разновидности обрядов, все совершенство святости и праведности апостол заключает в двух вещах: воде и крови. Ибо водою смывалась всякая грязь, дабы люди приступали к Богу только чистыми и незапятнанными; в крови же было умиловивление и залог полного примирения с Богом. Однако закон лишь внешними символами оттенял то, что на деле и гарантированно принес нам Мессия. Итак, Иоанн вполне уместно доказывает, что Иисус есть обещанный некогда Христос Господень, поскольку Он принес с Собой нечто, освящающее нас всецело.

Касательно крови, коей Христос умиловивил Бога, по этому поводу нет никакой неясности. Но можно спросить, как же Христос пришел через воду? Ведь нет никаких оснований относить сказанное к крещению. Я твердо убежден, что Иоанн излагает здесь плод и результат того, о чем рассказывает в Своем Евангелии. Ведь слова о том, что из бока Христова истекли вода и кровь, без сомнения говорят о чуде. Знаю, что с умершими что-то подобное происходит и – естественным образом. Однако то, что бок Христов стал источником крови и воды, несомненно произошло по божественному замыслу, дабы верующие знали: истинная чистота (символами которой были древние омовения) заключается во Христе, и все, некогда обещанное через окропления кровью, уже совершилось. Посему такое сжатое разделение на воду и кровь представляется весьма удачным. Ибо апостол подытоживает то, на что главным образом были направлены древние обряды, а именно: чтобы люди, очистившись от скверны и освободившись от всех грехов, видели умиловивленного к ним Бога и посвящали Ему себя. Истина же изображаемого исполнилась во Христе, поскольку закон содержал лишь одни видимые знаки. Об этом более подробно сказано в толковании на 9-ю и 10-ю главы Послания к Евреям.

И Дух свидетельствует. Здесь апостол говорит о том, каким образом верующие ощущают Христову силу. Их уверяет в ней Дух Божий. И дабы вера их не колебалась, апостол добавляет, что полное надежное подтверждение состоит именно в свидетельстве Духа. Ибо Дух зовется истиной, поскольку авторитет Его незыблем и должен быть для нас вполне достаточен.

7) *Ибо три свидетельствуют на небе.* Этот отрывок кое-где полностью пропускается. Иероним считает, что так произошло скорее по злему намерению, нежели по ошибке. И, причем, только у одних латинян. Но, поскольку даже греческие кодексы не согласны между собой, я едва ли рискну утверждать что-то определенное. Однако, понимая, что добавление данного предложения прекрасно соответствует контексту, и, зная, что оно содержится в лучших и надежнейших кодексах, я охотно его принимаю. Смысл будет таков: Бог, дабы еще сильнее утвердить нашу веру во Христе Иисусе, говорит, что на Христа надо полагаться тройко. Подобно тому, как наша вера признает Три Лица в одной Божественной Сущности, ее столькими же способами призывают ко Христу, дабы она надежно в Нем утвердилась.

Говоря, что «три суть едино», апостол имеет в виду не сущность, а скорее согласие. Он как бы говорит: Отец, его вечное Слово и Дух равным образом в некой чудной симфонии подтверждают служение Христа. Посему в некоторых кодексах читается *εἰς ἓν*. Но даже если прочесть *ἐν εἰς*, как говорится в других рукописях, нет сомнения, что Отец, Слово и Дух в том же смысле зовутся одним, в каком позже будут названы одним кровь, вода и Дух.

Поскольку же Дух, будучи одним свидетелем, упоминается здесь дважды, повторение это кажется довольно глупым. Отвечаю: так как Дух свидетельствует о Христе разными способами, Ему вполне уместно приписывается двоякое свидетельство. Ведь Отец с вечной Премудростью и Духом возвещают с небес, что Иисус есть Христос, как бы используя Свою власть. Значит, здесь мы должны видеть только величие Христова божества. Поскольку же Дух, обитающий в наших сердцах, есть залог и печать, скрепляющая это постановление, Он снова обращается к нам на земле посредством Своей благодати. Впрочем, коль скоро, возможно,

не все принимают это чтение, я истолкую следующую фразу так, как если бы апостол упомянул только трех свидетелей на земле.

8) *И три свидетельствуют.* Теперь апостол приспособливает сказанное о воде и крови к своей основной цели. Он хочет сказать, что нет никакого извинения тем, кто отвергает Иисуса Христа. Ведь Он вполне надежными и ясными свидетельствами доказал, что и является Тем Самым некогда обетованным Мессией. Ибо кровь и вода, будучи залогом и следствием принесенного Им спасения, воистину говорят о Его божественном посольстве. Затем, в качестве третьего свидетеля добавляется Святой Дух, Который, однако, играет здесь главную роль, поскольку в противном случае вода и кровь проливались бы без всякого успеха. Ибо именно Дух запечатлевает в наших сердцах свидетельство крови и воды, именно Дух силою Своею делает так, что и нас достигают плоды Христовой смерти. Больше того, Он делает так, чтобы кровь, пролитая для нашего искупления, проникла в самые наши души, или (говоря кратко) делает так, что Христос со всеми Своими благами становится нашим. Так и Павел в Послании к Римлянам 1:4, сказав, что Христос силою воскресения Своего явил Себя Сыном Божиим, тут же добавляет: через освящение Духа. Поскольку, какие бы знаки божественной славы ни сияли в Иисусе Христе, они, все же, ускользнут от нашего взора и останутся неясными, если Дух не отверзнет очи нашей вере.

Теперь понятно, почему Иоанн зовет Духа свидетелем вместе с водою и кровью. Ведь присущее Духу служение состоит именно в том, чтобы кровью Христовой очищать нашу совесть, и делать так, чтобы в нас оказалось действенным принесенное Им очищение. Об этом кое-что говорилось в комментариях на начало предыдущего послания, где Петр употребляет почти то же самое выражение: Святой Дух очищает наши души окроплением Христовой кровью. Впрочем, из этих слов можно заключить, что вера принимает Христа не голым и с пустыми руками, но животворящим, вместе с Его силой. Ибо какая польза была бы от послания Христа на землю, если бы Он не умилиствовал Бога жертвою Своей смерти? Если бы Отец не поручил Ему служения очищения?

Но здесь можно возразить: приведенное апостолом различие излишне, поскольку Христос, изглаживая грехи, тем самым нас и очистил. Значит, апостол говорит здесь дважды об одном и том же. Признаю, что в умилиствлении одновременно включается и очищение. Посему я не различаю между водою и кровью так, словно это две разные вещи. Однако, если каждый из нас подумает о своей немощи, то легко поймет, что кровь не напрасно отделяется здесь от воды. Кроме того (как было сказано), апостол намекает на обряды закона. Но Бог по причине человеческой немощи установил не только жертвы, но и омовения. Апостол же хочет сказать, что истина того и другого исполнилась во Иисусе Христе. Посему немного ранее он говорил, что Христос пришел не только через воду. То есть, во Христе обретается не только какая-то часть нашего спасения, но вся его целокупность. Так что не стоит искать его где-либо еще.

9) *Если мы принимаем свидетельство.* От меньшего к большему апостол доказывает неблагодарность людей, если они отвергают Христа, служение Которого удостоверено Богом. Ведь, если в человеческих делах мы доверяем словам людей, способных ошибаться и лгать, сколь глупым будет, если Бог, будучи верховным Судьею на Своем судилище, заслужит от нас меньшей веры. Итак, принять Христа нам мешает только наша испорченность, в то время как Он законным образом удостоверяет Собственную силу.

Далее, свидетельством Божиим апостол зовет не только свидетельство, запечатлеваемое Духом в наших сердцах, но и то, которое мы получаем от воды и крови. Ибо сила очищать и умилиствлять была не земная, но небесная. Посему кровь Христову следует оценивать не по людскому обычаю. Скорее надо смотреть на замысел Божий, поставивший Христа для уничтожения грехов, на истекающую отсюда божественную силу.

10. Верующий в Сына Божия имеет свидетельство в себе самом; не верующий Богу представляет Его лживым, потому что не верует в свидетельство, которым Бог свидетельствовал о Сыне Своем. 11. Свидетельство сие состоит в том, что Бог даровал нам жизнь вечную, и сия жизнь в Сыне Его. 12. Имеющий Сына (Божия) имеет жизнь; не имеющий Сына Божия не имеет жизни.

(Далее, вот свидетельство Божие, которым Он свидетельствовал о Сыне Своем. 10. Верующий в Сына Божия имеет свидетельство в себе самом; не верующий Богу представляет Его лживым, потому что не верует в свидетельство, которым Бог свидетельствовал о Сыне Своем. 11. Свидетельство сие состоит в том, что Бог даровал нам жизнь вечную, и сия жизнь в Сыне Его. 12. Имеющий Сына имеет жизнь; не имеющий Сына Божия не имеет жизни.)

Вот свидетельство. Союз **ὅτι** указывает здесь не на причину, а на истолкование. Ибо апостол, сказав, что Бог заслуживает веры много больше людей, добавляет теперь, что люди могут доверять Богу лишь тогда, когда веруют во Христа. Потому что Бог предлагает нам Его одного и в Нем одном желает нас утвердить. Отсюда апостол выводит: мы можем веровать во Христа спокойно и уверенно, поскольку Бог Своим авторитетом подкрепляет нашу веру. Он не говорит, что Бог обращается внешним образом, но каждый благочестивый чувствует внутри себя, что Бог – автор его веры. Отсюда явствует, сколь сильно отличается от веры нетвердое мнение, зависящее от чего-то еще.

10) *Не верующий*. Подобно тому, как верующие имеют преимущество знать, что они находятся вне опасности заблуждения, будучи утвержденными в Боге, так и нечестивых апостол винит в крайнем богохульстве, поскольку они обвиняют Бога во лжи. Действительно, для Бога нет ничего драгоценнее Его истины. Посему наибольшее для Него оскорбление – лишить Его данного атрибута. Значит, дабы подвигнуть нас к вере, апостол использует довод от противного. Ведь, если обвинять Бога во лжи – ужасное, достойное проклятия нечестие, поскольку в этом случае Бог лишается того, что в наибольшей степени Ему присуще, кто же отважится отказать в вере Евангелию, в котором Бог желает явить Себя истинным и правдивым? И это следует отметить особо.

Некоторые удивляются тому, почему Бог столь усердно восхваляет веру, почему неверие осуждается Им столь сурово? Но здесь речь идет о высшей божественной славе. Поскольку главный образчик Своей истины Бог захотел явить в Евангелии, Ему ничего не оставляют те, кто отвергает предложенного там Христа. Посему, даже если допустить, что кто-то во всем остальном ведет просто ангельскую жизнь, святость его воистину дьявольская, откуда он отвергает Иисуса Христа. Так и сегодня мы видим в папстве некоторых, угрожающих себе незнамо какой личиной святости, и в то время ожесточеннейшим образом противящихся Евангелию. Итак, будем придерживаться этого начала благочестия: послушно принимать учение, столь святым образом удостоверенное Богом.

11) *Даровал нам жизнь вечную*. Теперь апостол приглашает нас уверовать, предложив нам предварительно плоды этой веры. Богу положено выказывать такое почтение, что все утвержденное Им для нас должно быть вне всяких споров. Но там, где Он незаслуженно предлагает нам жизнь, неблагодарность будет еще нетерпимей, если мы с верою не примем столь достойное любви и приятное учение. Действительно, апостол хочет сказать следующее: надо не только почтительно слушаться Евангелия, дабы не оскорбить непослушанием Бога, но и горячо любить его, ибо оно предлагает нам вечную жизнь. Отсюда мы выводим, что именно надо искать в Евангелии в наибольшей степени. В нем надо искать незаслуженный дар спасения. Ибо то, что Бог призывает нас в Евангелии к покаянию и страху перед Собой, не следует отделять от благодати Христовой.

И чтобы полностью утвердить нас во Христе, апостол снова повторяет, что в Нем заключается жизнь. Он как бы говорит: Бог Отец установил для нас именно это средство достижения жизни. Апостол коротко высказывает здесь три вещи: все мы приговорены к смерти, доколе Бог не вернет нас к жизни по Своей незаслуженной благодати. Ибо он открыто возвещает, что жизнь даруется нам от Бога. Отсюда следует, что сами мы лишены ее и не можем обрести ее своими заслугами. Затем он учит, что эта жизнь даруется нам через Евангелие, поскольку в нем явлены божественная благодать и отеческая любовь. Наконец, апостол говорит, что мы можем стать причастниками жизни только тогда, когда верою прививаемся ко Христу.

12) *Не имеющий*. Подтверждение предыдущей фразы. Достаточно и того, что Бог поместил жизнь именно во Христе, дабы мы просили о ней только у Него. Однако, чтобы никто не уклонился в сторону, апостол лишает надежды на жизнь всех, не ищущих ее во Христе. Мы знаем, что значит иметь Христа. Ибо Им обладают через веру. Значит, апостол отчуждает от жизни всех, чуждых тела Христова.

Но кажется, что это мало согласуется с разумом. Ведь история говорит, что раньше жили превосходные мужи, наделенные героическими добродетелями. Однако же они были полностью чужды Христу. Кажется абсурдным, что их превосходство не заслуживает никакой чести. Отвечаю: мы сильно ошибаемся, если думаем, будто Бог одобряет все, что в наших глазах кажется выдающимся. Скорее, наоборот (как сказано у Луки 16:15): что высоко у людей, то мерзость пред Богом. Поскольку от нас сокрыта нечистота сердца, мы довольствуемся внешним видом. Но Бог видит скрытую внутри нас отвратительную грязь. Так что не удивительно, если для Него зловонны изысканные добродетели, проистекающие из нечистого сердца и не стремящиеся к правильной цели. Далее, откуда происходит чистота сердца, откуда усердие к благочестию, если не от Духа Христова? Итак, вне Христа нет ничего достойного похвалы.

Хотя имеется и другой довод, устраняющий всякое сомнение. Ведь людская праведность заключена в отпущении грехов. Убери это отпущение, и всех нас ждут лишь проклятие Божие и вечная смерть. И только Христос примиряет нас с Отцом, подобно тому, как Он однажды умилился Его Своей жертвой. Отсюда следует, что Бог не милостив ни к кому вне Христа. Нигде вне Него нет никакой праведности.

Если же кто в качестве возражения сошлется на Корнилия, которого Лука называет угодившим Богу еще прежде, чем его призвали к евангельской вере, коротко отвечу: порою Бог действует в нас так, что семя веры распускается не сразу и не в первый день. У Корнилия не было ясного и отчетливого знания о Христе, но, коль скоро его наделили неким ощущением милосердия Божия, он с необходимостью верил во что-то относящееся к Посреднику. Однако, поскольку образ действий Бога таинствен и чудесен, мы, опуская бесполезные умствования, будем придерживаться лишь указанного Им прямого пути спасения.

13. *Сие написал я вам, верующим во имя Сына Божия, дабы вы знали, что вы, веруя в Сына Божия, имеете жизнь вечную. 14. И вот какое дерзновение мы имеем к Нему, что, когда просим чего по воле Его, Он слушает нас. 15. А когда мы знаем, что Он слушает нас во всем, чего бы мы ни попросили, — знаем и то, что получаем просимое от Него.*

(13. Сие написал я вам, верующим во имя Сына Божия, дабы вы знали, что вы имеете жизнь вечную, и чтобы веровали во имя Сына Божия. 14. И вот какое упование мы имеем к Нему, что, когда просим чего по воле Его, Он слушает нас. 15. А когда мы знаем, что Он слушает нас, чего бы мы ни попросили, — знаем и то, что имеем просимое, которое просили от Него.)

13) *Сие написал вам.* Поскольку в вере надлежит ежедневно возрастать, апостол говорит, что для того написал им, уже верующим, чтобы они верили еще тверже и определеннее, наслаждаясь, таким образом, совершенным упованием на вечную жизнь. Значит, учение используется не только для того, чтобы обучить невежд начальному знанию о Христе, но и для того, чтобы еще больше утвердить уже просвещенных. Посему нам надлежит постоянно и с усердием обучаться, дабы вера наша возрастала в течение всей жизни. Ибо в нас еще присутствует множество остатков неверия, и вера наша немощна до того, что даже в то, во что мы веруем, веруем еще не твердо, если не получим дальнейшего укрепления в вере.

Далее, полезно отметить, каков истинный способ укрепления нашей веры. Она укрепляется тогда, когда объясняются сила и служение Христовы. Ибо апостол говорит, что написал именно это, то есть, что жизнь вечную надо искать только во Христе, дабы верили, то есть, возрастали в вере уже верующие люди. Посему обязанность благочестивого учителя — утверждать учеников в вере, по мере сил превозносить Христову благодать, дабы мы, довольствуясь ей, не искали чего-либо еще.

И эту благодать всеми способами затемняют и ослабляют паписты, уже одним этим доказывая, что меньше всего озабочены правым учением веры. Больше того, по этой причине школ их следует избегать больше, чем все Сциллы и Харибды, ибо едва ли кто-то может вступить в них без неизбежного кораблекрушения в вере.

Кроме того, апостол в этом месте учит, что собственным объектом веры является Христос, и с верою во имя Его связано упование на спасение. Ведь цель веры в том, чтобы стать чадами и наследниками Божиими.

14) *И вот какое дерзновение.* Упоминаемую им веру апостол хвалит, ссылаясь на ее плод. Иными словами, он показывает, в чем главным образом заключается наше упование. В том, что благочестивые дерзают бесстрастно призывать Бога. Как и Павел говорит в Послании к Ефессянам 3:12, что доступ к Богу открывается нам через веру и упование. И в Послании к Римлянам 8:15 он говорит, что Дух отвергает нам уста, дабы мы возглашали без всякого сомнения: «Авва, Отче!». Действительно, если доступ к Богу нам закрыт, мы несчастнее всех на свете. И наоборот, если пристанище это открыто для нас, мы — блаженны даже среди самых тяжких бедствий. Больше того, скорби наши делает счастливыми одно убеждение в том, что Бог будет нашим Избавителем, и, опираясь на Его отеческую к нам любовь, мы прибегаем к божественной защите.

Итак, будем придерживаться этого апостольского положения: призывание Бога — высшая проверка нашей веры. Но если у нас нет твердого убеждения в законности наших молитв, мы призываем Бога неправильно и не с верою. Ведь тем, кто колеблется и сомневается, апостол решительно отказывает в уповании. Отсюда следует, что в папстве, где всякая уверенность устранена, учение веры похоронено и почти угашено. Паписты бормочут множество молитв и много болтают о призывании Бога, но молятся они с сомнением и колебаниями, и таким же образом велят молиться другим. Больше того, они осуждают упование, которое апостол считает необходимым.

По воле Его. Эта фраза попутно сообщает нам, как именно надо правильно молиться. Правильно молятся там, где люди все свои желания покоряют божественной воле. Ибо Господь, обещая, что исполнит все просимое, не позволяет тем самым безудержно просить все, что только приходит на ум, но одновременно дает нам закон правильной молитвы. Действительно, для нас нет ничего полезнее этой узды. Ведь, если каждому из нас позволено просить о чем угодно, и Бог потакает всем нашим желаниям, мы получаем наихудшую помощь, какую только можно себе представить. Ибо мы не знаем, что именно нам полезно. Больше того, мы буквально горим порочными и вредными желаниями. Бог же дает нам от этого двоякое средство: мы не должны молиться иначе, чем предписано Его волей (поскольку Бог учит нас в Своем Слове, что именно Он хочет, чтобы мы просили), и в качестве вождя и кормчего ставит над нами Святого Духа, сдерживающего наши чувства, не позволяя им преступать положенные пределы. Ведь мы не знаем, о чем и как просить (говорит Павел в Рим. 8:26), но Дух, помогая нашей немощи, возбуждает в нас неизреченные воздыхания. Между тем, из уст Господних надо испрашивать правило, направляющее наши молитвы. Ведь именно Бог в Своих обетованиях установил для нас, как было сказано, законный способ моления.

15) *А когда мы знаем.* Это не лишнее повторение, каким оно кажется на первый взгляд. Ведь то, что ранее было сказано в целом об успешности молитвы, апостол излагает теперь более конкретно. Он говорит, что благочестивые получают все просимое ими у Бога. Говоря же, что Бог выслушивает все прошения верующих, апостол имеет в виду здравые и скромные молитвы, составленные в соответствии с правилом послушания. Ибо верующие не буйствуют, сорвав с себя узду, и не потакают себе во всем, но всегда в своих молитвах обращают внимание на то, что именно заповедует Бог.

Итак, здесь имеется приложение общего учения к особому и частному употреблению каждого, дабы верующие не сомневались: Бог милостив ко всем их желаниям и к каждому из них в отдельности, а они, успоко-

ившись, должны ожидать, когда Бог выполнит то, о чем они Его попросили. Таким образом, избавившись от скорби и тревог, они возложат заботы свои на Господа. Но этот покой и безмятежность не должны угашать в нас молитвенный пыл. Тому, кто уверен в счастливом исходе дела, не следует воздерживаться от призывания Бога. Ибо убежденность веры никак не порождает вялость или лень. Апостол только хочет сказать, что верующий спокоен в своих нуждах, возлагая на Бога все свои заботы и устремления.

16. Если кто видит брата своего согрешающего грехом не к смерти, то пусть молится, и Бог даст ему жизнь, то есть согрешающему грехом не к смерти. Есть грех к смерти: не о том говорю, чтобы он молился. 17. Всякая неправда есть грех; но есть грех не к смерти. 18. Мы знаем, что всякий, рожденный от Бога, не грешит; но рожденный от Бога хранит себя, и лукавый не прикасается к нему.

(16. Если кто видит брата своего согрешающего грехом не к смерти, то пусть молится, и даст ему жизнь. Согрешающему, говорю, грехом не к смерти. Есть грех к смерти: не говорю, чтобы кто-то за того молился. 17. Всякая неправда есть грех; и есть грех не к смерти. 18. Мы знаем, что всякий рожденный от Бога не грешит; но рожденный от Бога хранит себя, и лукавый не прикасается к нему.)

16) *Если кто.* Теперь апостол еще шире распространяет упомянутый ранее плод веры, говоря, что наши молитвы полезны и для братьев. Великим благодеянием является уже то, что, как только мы начинаем нуждаться, Бог милостиво приглашает нас к Себе и готов подать нам помощь. Но то, что Он выслушивает даже наши молитвы за других, еще больше укрепляет нас в вере, дабы мы утвердились в том, что не получим отказа в собственном деле.

Между тем, апостол увещевает нас заботиться о спасении друг друга. Кроме того, он хочет, чтобы отступления братьев служили нам побуждением к молитве. Действительно, не испытывать никакого милосердия, видя, как души, искупленные кровью Христовой, идут в погибель, – крайняя степень черствости. И апостол показывает, что средство для помощи братьям находится у нас под рукой. Он говорит, что жизнь погибающему возвратит молящийся за него. Хотя слово «даст» можно отнести и к Богу, как если бы было сказано: Бог подарит нашим молитвам жизнь этого брата. Однако смысл будет тот же, если сказать и так: молитвы верующих сильны до такой степени, что избавляют брата от смерти. Если сказанное «даст брату жизнь» отнести к человеку, выражение будет содержать гиперболу. Но в нем все равно не будет ничего абсурдного. Ибо мы называемся здесь подателями и того, что дано нам по незаслуженной благодати Божией, и даже того, что дается другим ради милости к нам. И апостол, расхваливая перед нами *συμπάθεια*, одновременно учит, насколько надо остерегаться осуждения братьев по жестокосердию или отчаяния в их спасении по чрезмерной к ним строгости.

Грехом не к смерти. Дабы мы полностью не отчаялись в отношении спасения согрешающих, апостол показывает, что Бог не наказывает падения Своих людей чрезмерно сурово и не отвергает их совершенно. Отсюда следует: если Бог сохраняет их в числе Своих детей, то тем более нам надлежит считать их за братьев. Апостол говорит, что не являются грехами к смерти не только те грехи, которыми ежедневно согрешают святые, но и те, которыми они порой вызывают сильный божественный гнев. Ведь, доколе остается место для прощения, смерть еще не может воцариться полностью.

Однако здесь апостол не проводит различия между смертным и простительным грехами, позднее ставшее весьма распространенным. Ибо различие это установилось в папстве совершенно бессмысленно. Сорбонны признают смертными лишь те грехи, гнусность которых столь явна, что ее можно пощупать руками. Таким образом, к простительным грехам они причисляют жутчайшие скверны, скрывающиеся в человеческой душе. Наконец, они считают, что все плоды первородного греха, не выливающиеся во внешнее действие, можно смыть окроплением святой водою. И что здесь удивительного, если они не считают грехами даже богохульные сомнения в божественной благодати, и всё относящееся к похоти и вожделениям, лишь бы их не сопровождало согласие разума? Пусть человеческую душу застилает неверие, пусть ее терзает нетерпеливость, заставляя роптать на Бога, пусть в ней бушуют самые чудовищные вожделения, – для папистов все это столь незначительно, что не заслуживает считаться грехом, по крайней мере, после крещения. Поэтому, не удивительно, если из больших преступлений они делают простительные прегрешения. Ведь они взвешивают их на своих, а не на Божиих весах. Однако среди верующих должна быть бесспорной следующая аксиома: все, противоречащее закону Божию, есть грех, причем, по своей природе смертный. Где преступление закона, там грех и смерть.

Итак, каков же подлинный смысл апостольских слов? Апостол отрицает смертность этих грехов потому, что, даже если они и заслуживают смерть, Бог все же не наказывает за них столь сурово. Посему апостол не оценивает грех сам по себе, но судит о нем, исходя из отеческой милости Божией, прощающей вину там, где, однако же, она есть. Таким образом, он не приговаривает к смерти тех, кого Бог, поднимая, возвращает к жизни, хотя сами они сделали все, чтобы оказаться этой жизни чуждыми.

Есть грех к смерти. Я уже говорил, что так называется грех, по совершении которого не остается надежды на прощение. Но, спрашивается, каков же он именно? Очевидно, проступок, за который Бог столь сурово мстит, должен быть весьма тяжким. Из контекста можно заключить, что это – не частичное падение, не нарушение какой-то одной заповеди, а отступничество, которым люди полностью отчуждают себя от Бога.

Ведь впоследствии апостол добавляет, что дети Божии не грешат, то есть, они не оставляют Бога так, чтобы полностью предаться сатане. И не удивительно, если подобное отступничество является смертным. Ибо Бог никогда не лишает Своих людей благодати Духа настолько, чтобы в них не сохранилась какая-то искорка благочестия. Значит, тем, кто отпадает так, что отбрасывает всякий страх Божий, надлежит быть отверженными и предназначенными к гибели. И если кто-то спросит: неужели покаянию их не открыта спасительная дверь? — ответ весьма прост: коль скоро они преданы отверженному уму и лишены Святого Духа, то могут лишь ожесточаться, изменяясь к худшему и добавляя к прежним грехам новые. Далее, поскольку грех или хула на Духа всегда влечет за собой такого рода отпадение, апостол, без сомнения, имеет в виду именно эту хулу.

Но снова спрашивается: по каким признакам можно определить необратимость человеческого падения? Ведь, если мы не можем знать этого наверняка, апостол напрасно запрещает молиться о такого рода грешниках. Итак, получается, что время от времени можно устанавливать, окончательно ли безнадежен павший, или же для него еще остается средство исцеления. Все это, безусловно, правильно и бесспорно следует из настоящего отрывка. Но, поскольку происходит такое падение нечасто, и Бог для прославления безмерного сокровища Своей благодати призывает нас быть милосердными по Его же Собственному примеру, не следует поспешно приговаривать кого-то к осуждению на вечную смерть. Напротив, пусть наша любовь постоянно внушает нам добрую надежду. Если же отчаянное нечестие кого-то очевидно для нас настолько, как если бы Господь указывал на него пальцем, не стоит спорить с праведным божественным судом или стремиться быть милосерднее Бога.

17) *Всякая неправда.* Это место можно истолковывать по-разному. И если понимать его в противительном смысле, оно гласит следующее: хотя всякая неправда — грех, все же есть какие-то грехи не к смерти. Также хорошо подходит и несколько иной смысл: поскольку грех — это всякая неправда, отсюда следует, что есть грех не к смерти. Другие толкователи всякую неправду понимают как неправду всецелую. Апостол как бы говорит, что грех, о котором идет речь, есть вершина несправедности. Но я охотнее принял бы первое или второе толкование, и, поскольку они несут одинаковый смысл, пусть читатель сам судит о том, какое из них подходит больше.

18) *Знаем, что всякий рожденный от Бога.* Если, как думают фанатики, считать здесь, что дети Божии совершенно чисты и свободны от греха, апостол станет противоречить сам себе. Ибо, таким образом, он устранил бы всякое усердие к молитвам друг за друга. Значит «не грешащими» он называет тех, кто не полностью отпадает от божественной благодати. Отсюда он делает вывод, что молиться следует за всех детей Божиих, поскольку они не грешат к смерти. И апостол даже приводит доказательство: всякий рожденный от Бога хранит себя, то есть, сохраняет себя в страхе Божиим и не позволяет себе увлечься настолько, чтобы, угасив всякое чувство благочестия, полностью отдаться дьяволу и плоти. Ибо слова «лукавый не прикасается к нему» надо относить к прикосновению, влекущему за собой смертельную рану. Ведь сатана наносит раны даже чадам Божиим, но последние щитом веры отражают его удары, не позволяя им проникать до самого сердца. Посему духовная жизнь в них не угасается никогда. Это и значит, что верующие *не грешат*, хотя и падают из-за плотской немощи. Но при этом они воздыхают под бременем своих грехов, ненавидя самих себя, и не переставая бояться Бога.

Хранит себя. Здесь апостол переносит на нас то, что в прямом смысле принадлежит Богу. Ведь, если кто-то из нас станет стражем собственного спасения, сохранность его окажется под угрозой. Посему Христос, упрашивая Отца (Ин.17:11) сохранить нас, дает тем самым понять, что сохранение это осуществляется не нашими силами. Приверженцы свободной воли хватаются за эту фразу, доказывая из нее, что нас хранит от греха частично благодать Божия, а частично — наша собственная добродетель. Но они не обращают внимания на то, что сохранение, о котором говорит апостол, верующие получают не от себя. Действительно, он не проповедует здесь добродетель верующих, словно они стерегут себя собственными усилиями, но учит лишь, что верующие сопротивляются сатане и никогда не получают от него смертельной раны. Мы же знаем, что они сражаются только тогда, когда оснащены оружием Божиим. Значит, верующие хранят себя от греха постольку, поскольку их хранит Бог.

19. Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле. 20. Знаем также, что Сын Божий пришел и дал нам (свет и) разум, да познаем Бога истинного и да будем в истинном Сыне Его Иисусе Христе. Сей есть истинный Бог и жизнь вечная. 21. Дети! храните себя от идолов. Аминь.

(19. Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле. 20. Знаем также, что Сын Божий пришел и дал нам разумение, да познаем Его истинным, и мы пребываем в Нем истинном, в Сыне Его Иисусе Христе. Сей есть истинный Бог и жизнь вечная. 21. Дети! Храните себя от идолов. Аминь.)

19) *Мы от Бога.* Из вышеизложенного учения апостол заимствует повод для ободрения слушателей. Сказанное ранее в целом обо всех детях Божиих теперь он приспособливает к тем, кому адресовал свое послание. И делает это для того, чтобы побудить их остерегаться греха и воодушевить к отражению нападков сатаны. Пусть читатели отметят, что истинна лишь та вера, которая прилагает к нам Божию благодать. Ибо апостол признает верующими лишь тех, кого причисляет к чину детей Божиих. И он не заменяет здесь уверен-

ность (как говорят софисты) вероятным предположением, ибо говорит: «мы знаем». Смысл же таков: поскольку мы рождены от Бога, нам отделением от мира и святостью жизни надо стараться доказать, что мы не напрасно призваны к столь высокой чести.

И увещание это весьма необходимо всем благочестивым. Ибо, куда бы они ни обратили взор, сатана везде расставил приманки, уводящие их от Бога. Итак, им было бы трудно идти прямым путем, если бы призвание их не значило для них больше, чем все препятствия со стороны мира. Значит, дабы наше оснащение к битве было надежным, следует знать две вещи: мир лежит во зле, и наше призвание происходит от Бога.

Нет сомнения, что под словом «мир» апостол имеет в виду весь человеческий род. Говоря же, что мир «лежит во зле», апостол отдает его во власть сатаны. Поэтому у нас нет причин колебаться в бегстве от того мира, который, презрев Бога, предал себя в рабство сатане. Нет причин бояться враждовать с тем, что полностью чуждо Богу. Наконец, поскольку порча затрагивает всю нашу природу, верующие должны усердствовать в отречении от самих себя. Поскольку в мире нет ничего, кроме злобы и испорченности, им с необходимостью надо распрощаться с плотью и кровью, чтобы следовать за Богом. Но одновременно надо помнить и о другом положении: Бог призвал их, дабы Его защиту они противопоставили всем козням мира и сатаны.

20) *Знаем также, что Сын Божий пришел.* Поскольку дети Божии отовсюду испытывают нападки, апостол воодушевляет их к постоянному сопротивлению, ссылаясь на то, что сражаются они под надзором Божиим, твердо веруя в руководство со стороны Его Духа. Теперь же он учит, откуда прежде всего надо испрашивать эту уверенность. Итак, он говорит: Бог явился нам во Христе столь ясно, что больше нет поводов для сомнений. И апостол действует весьма обдуманно, ибо, если вера не укоренена надежно в Боге, нам никогда не выстоять в сражении с миром. С этой целью апостол учит, что по благодетанию Христову мы обретаем твердое познание истинного Бога, не колеблясь больше в неопределенности.

Под *истинным* Богом он подразумевает не правдивого, но Такого, Который подлинно является Богом, отличая Его тем самым от идолов. Таким образом, истинный Бог противопоставляется здесь вымышленному. Ибо Он *ἀληθινός*, а не *ἀληθής*. Также сказано в Ин.17:3: сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа. Апостол по праву присваивает Христу честь просветить наш разум к познанию Божию. Ведь Христос – единственный образ невидимого Бога, единственный истолкователь Отца, единственный проводник к жизни вечной, больше того, – сама жизнь, свет мира и истина. Значит, как только мы отходим от Него, мы неизбежно запутываемся в собственных измышлениях.

И фразу о том, что Христос *дал нам разумение*, надо понимать не только в том смысле, что Он евангельским учением показал нам, кто есть истинный Бог, что Он просвещает нас Своим Духом, но и в том, что во Христе мы имеем Самого Бога, явившегося во плоти, как говорит Павел (Кол.2:9), ибо в Нем обитает вся полнота Божества, и сокрыты все сокровища знания и премудрости. Отсюда следует, что во Христе нам неким образом сияет видимый божественный лик. Не потому, что до Христова пришествия не было никакого познания Бога, или же было лишь сомнительное, но потому, что теперь Бог явил Себя в полноте и как бы со всей очевидностью. И об этом говорит Павел, 2Кор.4:6: Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа.

Следует отметить, что этот особый дар принадлежит лишь избранным. Факел Евангелия Своего Христос зажигает для всех без различия, но разум далеко не всех имеет очи, чтобы видеть. Скорее, наоборот, дьявол на многих набросил покрывало слепоты. Итак, апостол понимает здесь свет, который Христос зажигает внутри наших сердец, и который, однажды зажженный, никогда не гаснет, даже если в некоторых он порой и заглушается на определенное время.

Да будем в истинном. Апостол говорит нам, сколь действительно упомянутое им познание. Ведь через него мы прививаемся ко Христу и соединяемся с Богом. Ибо у познания этого – живой корень, прочно закрепившийся в сердце. Поэтому в нас живет Бог, и мы живем в Нем. Поскольку апостол говорит, что мы «в истинном, в Сыне Его», не используя никакого союза, кажется, что здесь он выражает способ нашего единения с Богом. Он как бы говорит: мы находимся в Боге через Иисуса Христа.

Сей есть истинный Бог. Хотя ариане старались извратить данное место, и сегодня многие с ними соглашались, здесь мы встречаем замечательный отрывок, прославляющий божество Христово. Ариане переносили сказанное на Отца, словно апостол снова проповедует Его истинным Богом. Но такое повторение будет весьма невыразительным. Ведь апостол уже дважды засвидетельствовал, что Бог, явившийся нам во Христе, истинен. Зачем же ему тут же добавлять: «сей есть истинный Бог»? Христу же сказанное подходит превосходно. Ибо, прежде научив, что Христос – вождь, Собственной рукою направляющий нас к Богу, апостол, усиливая смысл, утверждает теперь, что Он и есть Тот Самый Бог, дабы мы не думали, что Его надо искать где-то вдали. И он подтверждает сказанное эпитетом: «жизнь вечная». Несомненно, что фразы «истинный Бог» и «вечная жизнь» относятся к одному и тому же. Не говоря уже о том, что местоимение *οὗτος* обычно относится к последнему упомянутому субъекту. Скажу лишь следующее: Христос в собственном смысле зовется здесь вечной жизнью. И нельзя отрицать, что Иоанн постоянно использует этот способ выражения.

Итог таков: если у нас есть Христос, мы обладаем истинным и вечным Богом, ибо Его не следует искать где-либо еще. Кроме того, мы становимся причастниками вечной жизни потому, что сокрытое в Отце предлагается нам в Иисусе Христе. Происхождение жизни кроется в Отце, источник же, из которого ее можно черпать, есть Христос.

21) *Храните себя от идолов.* Хотя предложение это звучит обособлено, оно является как бы добавлением к вышеизложенному учению. Ведь живительный евангельский свет должен рассеять и изгнать из душ благочестивых не только тьму, но и всякий туман. И апостол не только осуждает идолопоклонство, но и предписывает нам остерегаться самих идолов. Он хочет сказать, что нельзя удерживать истинное и правильное поклонение Богу, когда люди начинают желать идолов. Ибо суеверие настолько нам врождено, что даже малейший повод заражает нас скверной идолопоклонства. Сухие дрова, положенные на уголья, займутся не столь быстро, сколь быстро идолопоклонство захватывает человеческий ум, как только ему дается повод. Кто не знает, что идолы подобны искрам? Да каким искрам! Скорее факелам, достаточным для того, чтобы поджечь весь мир.

К тому же апостол говорит не только о статуях, но имеет в виду также жертвенники и другие орудия суеверий. И совершенно смешны паписты, ухищряясь отнести сказанное к статуям Юпитера и Меркурия, и подобных им богов. Словно апостол не учит в самом общем смысле, что благочестие искажается там, где Богу приписывается телесный образ, или где для поклонения воздвигаются статуи и рисунки. Итак, будем помнить, что надо усердно пребывать в духовном поклонении Богу, держась вдали от всего, что склоняет нас к грубым плотским суевериям.